

КНИГА ШЕСТАЯ.

Покореніе земель Русскихъ Великими Князьями Литовскими.

Гедимишъ. — Судьба Рогнедина потомства. — Бракъ Ольгерда съ Марією Витебскою. — Андрей Ольгердовичъ. — Война съ Крестоносцами. — Любко Полоцкий. — Распри съ Псковомъ. — Удѣлы Ольгердовичей въ Бѣлоруссіи. — Ягелло. — Распри Ольгердовичей. — Андрей Кейстутевичъ. — Скиргелло. — Распря за Полоцкъ. — Вмѣшательство Ордена. — Смерть Кейстута. — Андрей записываетъ Полоцкъ Ордену. — Вторженіе Крестоносцевъ въ Бѣлоруссію. — Изувѣрство Святослава Смоленскаго. — Усмиреніе. — Ягелло въ Бѣлоруссіи. — Скиргелло. — Витольдъ. — Свидригелло. — Война за Витебскъ. — Свидригелло В. К. Литовскимъ. — Заговоръ. — Бѣгство. — Битва подъ Ошмянами. — Императоръ и Крестоносцы. — Миръ. — Опять война. — Битва подъ Вилькомиромъ. — Участь Свидригеллы. — Свидригелла скрывается. — Казиміръ. — Дѣла Смоленскія. — Разныя событія.

LXV.

Итакъ, Полоцкъ и во время смуть, обуревавшихъ Литву до Гедимина, уже не возвратился Россіи; что же происходило въ прочихъ удѣлахъ этого княжества? Витебское, сохранившееся до Ольгерда, нахо-

дилось, кажется, въ зависимости отъ князей Смоленскихъ ⁽¹⁴⁹⁾; о прочихъ же удѣлахъ бывшаго Полоцкаго княжества нѣтъ никакихъ извѣстій. Кажется, что всѣ они, даже до Гедимина, остались за прежними ихъ владѣтелями, низшедшими на степень князей мелкихъ, владѣвшихъ маловажными удѣлами.

Мало по малу, Западная Русь образовала новое самостоятельное государство — княжество Литовское. Литовскіе князья, утвердившіеся первоначально въ Полоцкѣ, принимали православіе и вступали въ родственныя связи съ потомками Владиміра св. Гедимину не трудно было, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, образовать силою и политикою государство могущественное. Гедиминъ былъ государь выше своего вѣка: позволялъ сыновьямъ своимъ креститься, старался образовать народъ, заключалъ торговые договоры, призывалъ купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ. Какъ мудрый политикъ, онъ въ покоренныхъ областяхъ не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, даже потомковъ Владиміра св. не преслѣдовалъ, не выгонялъ изъ ихъ удѣловъ, а оставлялъ ихъ намѣстниками, не отнимая и княжескаго титула. Русскіе безпрекословно повиновались ему особенно въ Кіевѣ, Черниговѣ и на Волини; гдѣ видѣли въ немъ грознаго соперника Монголамъ и избавителя отъ тягостнаго рабства.

LXVI.

При Гедиминѣ Витебское княжество досталось сыну его Ольгерду по браку съ Витебскою княжною

Марією Ярославною, ради которой онъ принялъ православіе ⁽¹⁵⁰⁾. Здѣсь господствовалъ Ольгердъ, доколѣ не занялъ онъ въ 1345 г. Гедиминова престола; отсюда поддерживалъ онъ могущество Литвы на сѣверныхъ ея предѣлахъ. Благодаря его защитѣ этотъ край, вособенности Смоленское княжество, спаслись отъ ига Татарскаго ⁽¹⁵¹⁾. Въ 1342 г. прибыли къ Ольгерду въ Витебскъ Псковскіе послы, прося защиты противъ Ордена, магистръ котораго Дрейлевенъ осадилъ Изборскъ. Ольгердъ — съ роднымъ своимъ братомъ Кейстутомъ и двоюроднымъ Любко, сыномъ Полоцкаго князя — поспѣшилъ на помощь Псковитянамъ. Крестоносцы оставили Изборскъ и благодарные Псковитяне предложили князю жесткую власть надъ собою Ольгерду, который, передавъ ее сыну своему Андрею, принявшему въ этомъ случаю православіе, самъ возвратился въ Витебскъ ⁽¹⁵²⁾.

Одинъ лишь Любко погибъ жестокою смертію. Отдѣлившись отъ войска съ однимъ только воиномъ, нечаянно попался въ руки Крестоносцамъ, которые, какъ бы лютые варвары, разсѣкли несчастнаго князя на части. Ольгердъ не могъ простить этого безчеловѣчнаго поступка надъ его двоюроднымъ братомъ. Кейстутъ привелъ войско Литовское, Андрей Псковское и, зимою 1342—1343 г., открылась кровопролитная война. Ольгердъ вторгнулся въ Орденскія владѣнія и дотого стѣснилъ Крестоносцевъ, что, для спасенія Ордена, объявленъ былъ крестовый походъ въ Европѣ. Съ другой стороны жители Эстоніи, доведенные до отчаянія жестокостями Нѣмеццевъ, тоже возстали и этимъ еще болѣе затруднили

положеніе Ордена. Дорого обошлась ему эта война, разорившая Лифляндію, Семигаллію, Курляндію и даже Пруссію.

LXVII.

Занявъ Великокняжескій престолъ въ 1345 г., Ольгердъ отдалъ Витебское княжество сыну своему Андрею, бывшему сверхъ этого, какъ уже сказано, и княземъ Псковскимъ. Но Андрею, получившему послѣ смерти Воина и Полоцкое княжество, не нравилось какъ-то жить во Псковѣ; потому — оставивъ тамъ намѣстникомъ какого-то Юрія Витовтовича, мужа храбраго и весьма любимаго народомъ — самъ проживалъ въ Полоцкѣ. Случилось, что — во время нахождения, въ 1349 г., Витовтовича въ Изборскѣ при освященіи храма — хищники нѣмецкіе напали на предмѣстіе. Храбрый намѣстникъ, предводительствуя не многочисленною дружиною, погибъ въ неравномъ боѣ. Жена его съ дѣтьми возвратилась въ Литву; но Псковитяне не хотѣли уже принять намѣстника отъ руки Андрея. Раздраженный этимъ Ольгердъ задержалъ Псковскихъ купцовъ въ Литвѣ, сконфисковалъ ихъ товары, а съ нихъ самихъ взялъ окупъ. Андрей съ своей стороны стѣснялъ Псковитянъ, вторгнулся въ ихъ область въ 1350 г. и опустошилъ Воронацкую волость, ⁽¹⁵³⁾. Распри между Полоцкомъ и Псковомъ по этому поводу продолжались еще долгое время, въ теченіе котораго Полочане и Псковитяне воевали пограничныя волости другъ у друга. Въ 1358 г. Псковитяне, подъ начальствомъ князя Ефстафія, грабили Полоцкія

земли, за что Андрей съ своей стороны отплатилъ имъ тѣмъ же ⁽¹⁵⁴⁾. Въ 1373 г. Андрей Ольгердовичъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Кейстутомъ и Дмитриемъ Корибуттомъ, бывшемъ въ то время княземъ Друцкимъ, помогалъ князю Михаилу Тверскому противъ Дмитрія Донскаго ⁽¹⁵⁵⁾.

LXVIII.

Въ 1377 г. сошелъ въ могилу Ольгердъ, оставившій двѣнадцать сыновей и семерыхъ дочерей. Отъ перваго брака съ Марією Ярославною, княжною Витебскою, Ольгердъ имѣлъ шестерыхъ сыновей: Владимира князя Кіевскаго, Іоанна Задзевита князя Подольскаго, Семена Лангвенія, Андрея Вингольта, Константина Кориגעму князя Черниговскаго и Чарторыйскаго или Чарторижскаго; шестаго, Бориса Буттава. Отъ втораго брака съ Гуліянією, княжною Тверскою, имѣлъ тоже шестерыхъ сыновей и въ числѣ ихъ Владислава Ягеллу, короля Польскаго и Великаго князя Литовскаго. Изъ числа двѣнадцати его сыновей четыре изъ нихъ получили удѣлы въ нынѣшнихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ: Симеонъ Лингвиній или Лугвиній княжество Мстиславское ⁽¹⁵⁶⁾; Андрей Вингольтъ Полоцкое и Трубчевскъ; Ягелло — въ правобережномъ княжествѣ Яковъ, въ католичествѣ Владиславъ — княжество Витебское и Кревскъ или Крево въ Олонецкомъ уѣздѣ нынѣшней Виленской губерніи. Дмитрію Корибуту дано княжество Друцкое, и еще Новогрудокъ и Лиду. Первые два родились отъ Ма-

ри княжны Витебской, вторые же отъ Іуліяніи княжны Тверской (137).

Хотя по вліянію Іуліяніи Ягелло назначенъ былъ преемникомъ Ольгерда; со всѣмъ тѣмъ Андрей князь Полоцкій, какъ старшій изъ сыновей Ольгерда отъ перваго брака, считая себя обиженнымъ, не призналъ правъ Ягеллы на Великокняжескій престолъ и открыто возсталъ противъ него, уже единоголосно превозглашеннаго законнымъ наслѣдникомъ и государемъ. Потому, первымъ его дѣломъ, по вступленіи на престолъ — было лишеніе Андрея Полоцка и Трубчевскѣ. Андрей бѣжалъ въ Псковъ; но, найдя тамъ мало приверженцевъ своему дѣлу, ушелъ оттуда въ Москву къ Великому Князю Димитрію, начавшему уже воевать Русь Литовскую при первомъ извѣстїи о смерти Ольгерда (138). Димитрій съ радостію принялъ Андрея, которому обѣщаль возвратить силою оружія по крайней мѣрѣ Трубчевскъ, уже отданный Ягелломъ Димитрію Корибутту.

Въ декабрѣ 1379 г. Андрей двинулся съ Московскимъ войскомъ къ Трубчевску; но братъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ и солью — случай, не мало обрадовавшій Великаго Князя; ибо другой сынъ Ольгердовъ оставлялъ Ягеллу. Димитрій отдалъ въ удѣлъ Димитрію Корибуту Княжество Переяславль-Залѣское (139).

LXIX.

Распри возростали въ Ольгердовомъ семействѣ. Наушники вооружили неопытнаго Ягеллу, противъ

опекуна и дяди его, маститаго героя Кейстута, узнавшаго вскорѣ даже и о заговорѣ на жизнь свою. Случай убѣдилъ его въ злонамѣреніяхъ Ягеллы. Послѣ бѣгства Андрея Ольгердовича, Полоцкое Княжество отдано было сыну Кейстута Андрею Горбату. Но, хитрый Ягелло — заключивъ въ 1380 г. секретно съ Орденомъ перемиріе, изъ подъ котораго изъялъ удѣлъ Кейстута и сыновей его ⁽¹⁶⁰⁾ — легкомысленно отдалъ Полоцкое Княжество единоутробному брату своему Скиргеллу. Однакожь, преданные Андрею Полочане, не только не приняли его, но даже, посадивъ на старую клячу, съ безчестіемъ выпроводили изъ города, звавъ съ него клятву никогда уже не возвращаться болѣе ⁽¹⁶¹⁾. Раздраженный этимъ Ягелло послалъ къ Полоцку войско, къ которому, какъ бы случайно, присоединились Крестоносцы подъ начальствомъ Конрада Роденштейна, въ 1382 г. Напрасно жители молили Новгородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиргеллы: Новгородцы только отправили мирное посольство къ Ягеллу, а Конрадъ Роденштейнъ отвѣтствовалъ: «для кого я осѣдлаю коня и вынулъ мечъ изъ ноженъ тому не измѣню вовѣки ⁽¹⁶²⁾». Однако, мужественный Андрей Кейстутъевичъ, не смотря на всѣ усилія непріятеля и шестнадцатинедѣльную осаду отстоялъ Полоцкъ, жители котораго готовы были скорѣе сдаться Нѣмцамъ нежели князю, ими пренебреженному ⁽¹⁶³⁾.

Это окончательно убѣдило Кейстута въ печальной истинѣ, что Ягелло, дружный съ крестонос-

цами болѣе нежели онъ могъ предполагать, пишетъ черные на счетъ его замыслы. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, маститый герой, столько заслуженный отечеству, принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: занявъ въ 1381 г. Вильно и другіе города, превозгласилъ себя Великимъ Княземъ и тотчасъ далъ знать объ этомъ Полочанамъ, принявшимъ съ радостію это извѣстіе — Скиргелло же едва успѣлъ спастись съ Крестоносцами въ Ливонію; а Ягелло съ матерью отправленъ въ удѣлъ свой Крево.

L.

Опомнившись отъ случившагося въ Литвѣ, Крестоносцы — которымъ больно было видѣть внезапно разрушенными планы, такъ долговременно и такъ тщательно составлявшіеся, что бы привести ихъ однакожь въ исполненіе — пустили въ ходъ Скиргеллу. Этотъ князь — взятый наконецъ гдѣ-то въ плѣнъ Андреемъ, вѣроятно во время наѣздовъ на Полоцкія владѣнія, просидѣвъ нѣкоторое время въ заключеніи — успѣлъ бѣжать въ Ригу и оттуда, по совѣту Крестоносцевъ, тайно въ Крево. Тамъ съ братомъ и матерью составили планъ дѣйствій противъ Кейстута. Снабженный деньгами и материнскими драгоценностями отправился въ Пруссію черезъ Ливонію, откуда получилъ отъ Магистра къ Маршалу Прусскому рекомендательное письмо, благодаря которому торжественно принятъ былъ въ Мальборгѣ Великимъ Магистромъ, получившимъ вмѣстѣ съ грамотами и дары богатые. Цѣль по-

сольства состояла въ снисканіи покровительствъ
 Ордена для матери и Ягеллы, находившагося въ за-
 точеніи, низвергнутаго съ престола отца своего
 язычникомъ и врагомъ вѣры Христовой. Если бы
 Великій Магистръ согласился всею силою Ордена
 содѣйствовать къ возвращенію престола Ягеллы, то
 въ награду за содѣйствіе, Скиргелло отъ имени ея
 и вельможъ Литовскихъ обѣщаль большія пожало-
 ванія въ княжествѣ Литовскомъ. Крестоносцы со-
 гласились; но съ условіемъ, чтобы Ягелло въ те-
 ченіе четырехъ лѣтъ принялъ со всѣмъ своимъ наро-
 домъ вѣру Римско-Католическую. Чѣмъ бы все это
 кончилось, если бы живъ былъ Кейстуть, вѣро-
 ятно, какъ говорятъ, умерщвленный въ 1382
 въ темницѣ, куда попалъ онъ великодушно до-
 вѣрившись Ягеллѣ, теперь снова воспріявшему бра-
 ды правленія (164).

II.

Междутѣмъ Андрей Ольгердовичъ, лишившись
 удѣла по недоброжелательству къ собственному
 роду, сперва странствовалъ по Россіи, потомъ обра-
 тился къ Ордену, принимавшему съ распростертыми
 объятіями всѣхъ враговъ порядка и спокойствія
 государствахъ сосѣдственныхъ. Въ письмѣ своемъ
 къ Ливонскому Магистру, называя его отцемъ
 любезнымъ другомъ, Андрей записываетъ ордену
 то, чего самъ не имѣетъ — Полоцкое Княжество
 съ условіемъ: если Орденъ, отнявъ его у Ягеллы,
 отдастъ его ему на ленномъ правѣ, то онъ и вѣ-

слѣдники его обязаны будутъ служить Ордену какъ подданные и данники (165).

Орденъ не пренебрегалъ и подобными дарами, и — въ то время, когда Ягелло торжествовалъ крещеніе свое въ Католическую вѣру и свадьбу съ прекрасною Польскою царевною Ядвигою въ Краковѣ — магистръ Ливонскій Цолнеръ, зимою 1386 г., съ двумя арміями и Андрей съ третьею вторглись въ Полоцкое княжество. Андрей поднималъ весь нынѣшній Бѣлорусскій край, всю Русь Литовскую на Ягеллу, какъ отступника отъ Православія, и Орденъ вторилъ этимъ наущеніямъ, хотя и направленнымъ противъ католическаго государя. Но, не сбылись ихъ надежды: ни Крестоносцы, ни Андрей не приобрѣли довѣрія народа. Одинъ Лукомль удержалъ собою весь напоръ Крестоносцевъ, пока они успѣли только сжечь его вышшія укрѣпленія. Наконецъ, уничтоживъ эту маловажную крѣпость, союзники простерли опустошенія почти до Ошмянъ, не завладѣвъ ни однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Крестоносцы, раздраженные не успѣхомъ, опустошивъ огнемъ и мечемъ 18 волостей, возвратились восвоиса, сжегши по пути Дриссу, увезъ съ собою въ плѣнъ 3000 народа и болѣе 2000 лошадей, кромѣ прочей добычи, награбленной въ теченіе трехъ недѣль (166). Ушли Крестоносцы; но еще оставался союзникъ ихъ — Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, который, въ этомъ же году, съ двоюроднымъ братомъ своимъ Иваномъ Васильевичемъ и сыновьями Юріемъ и Глѣбомъ пошелъ сперва къ Витебску, а послѣ къ Оршѣ. Но этотъ городъ затворилъ врата предъ нимъ и, укоряя его въ низости, дотога раздражилъ

Святослава, что онъ началъ неистовствовать не какъ человѣкъ, а какъ безсмысленный звѣрь. Невѣрится описанію истинно адскихъ мученій, изобрѣтенныхъ этимъ тираномъ для невиннаго и единственнаго съ нимъ народа — беззащитныхъ земледѣльцевъ, которыхъ то сожигалъ сотнями въ дѣревянныя строенія, то давилъ десятками подприподнятыми стѣнами ихъ, то наконецъ сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселясь отчаяніемъ этихъ жертвъ невинныхъ. Сколь вообще ни ужасны были въ то время законы войны, но лѣтописцы говорятъ объ этихъ злодѣяніяхъ Святослава съ живѣйшимъ омерзеніемъ. Возвратившись въ Смоленскъ и взявъ стѣнобитныя орудія, подступилъ, 10 апрѣля этого же года, къ Мстиславлю, незадолго предъ тѣмъ отторгнутому отъ Смоленска Ольгердомъ. Обложивши этотъ городъ со всѣхъ сторонъ Святославъ десять дней штурмовалъ его, подкапывая стѣны, разрушая заставы и башни. Въ Мстиславль оборонялся въ то время Коригелло, а князь Мстиславскій Лингвиній-Симеонъ присутствовалъ въ Краковѣ. Въ одиннадцатый день осады, показались издалека знамена: то были князя Скиргелло Корибутъ и Лингвиній, за которыми шелъ Витольдъ. Король услышавъ о событіяхъ въ Литвѣ, отправилъ этихъ князей на помощь своей отчизнѣ. Смоленцы были оттакованы на берегахъ рѣки Вепры, и побѣда утѣшила мужественныхъ граждан Мстислава, смотрѣвшихъ съ городскихъ стѣнъ на кровопролитную битву, въ которой войско Святославо было разбито на голову, и самъ онъ, изжававшій въ лѣсу отъ усталости, убитъ Литовскими

воинномъ, которому онъ не хотѣлъ отдаться въ плѣнъ. Племянникъ его Иванъ Васильевичъ также положилъ здѣсь свою голову; а сыновья Юрій и Глѣбъ взяты въ плѣнъ съ многими боярами. Изъ-подъ Мстиславля Литовское войско пошло къ Смоленску и, поставивъ тамъ княземъ Глѣба Святославича, спѣшило къ Полоцку, который не переставалъ осаждать Андрей Ольгердовичъ, едва не достигшій уже своей цѣли, и совершенно опустошившій его окрестности. Но, оставленный Крестоносцами, узнавъ объ участи Святослава, снялъ осаду Полоцка и заключился въ Лукомль. Тамъ, окруженный войскомъ Литовскимъ, послѣ упорной защиты, сдался братьямъ, отославшимъ его къ Королю оканнаго цѣлями. Просидѣвъ три года въ замкѣ Хенцинскомъ въ неволѣ тяжелой, наконецъ освобожденъ по ходатайству братьевъ. Такъ кончилась компанія 1386 г. Полоцкъ получилъ сильный гарнизонъ на случай нападенія Крестоносцевъ, прочія же крѣпости: Витебскъ, Орша, Лукомль, Мстиславль, Минскъ были укрѣплены, и приведены въ надлежащее оборонительное положеніе ⁽¹⁰⁷⁾.

III.

Когда кончились торжества и пиры въ Краковѣ, Ягелло занялся дѣлами государственными, предпринялъ путешествіе на Русь Литовскую, посѣтилъ Витебскъ, Полоцкъ и въ послѣднемъ, какъ говорить, былъ свидѣтелемъ какого-то *возстанія* (?), причины котораго намъ неизвѣстны и виновниковъ котораго Король казнилъ смертію ⁽¹⁰⁸⁾. Посѣтилъ и

Могилевскую губернію, гдѣ, въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Копыскаго уѣзда Обольцахъ, основалъ первый Римскокатолическій костелъ въ этомъ краѣ, (въ 1387 г.). Насталъ миръ — но миръ кратковременный (169).

Ягелло настоялъ на своемъ: отдалъ Полоцкъ Скиргеллѣ, и, чтобы еще болѣе привлечь его на свою сторону, сталъ, въ обиду прочихъ братьевъ, надѣлять его еще новыми областями (170), и наконецъ слѣлалъ его Вединимъ Княземъ Литовскимъ. Такая почесть вооружила противъ Скиргелла прочихъ братьевъ, и первымъ его совмѣстникомъ явился Витольдъ, завладѣвшій въ 1392 г. и Вильною и великокняжескимъ престоломъ. Ягелло не въ силахъ былъ бороться съ нимъ, и заключилъ миръ.

ЛІІІ.

Въ 1393 г. скончалась и Великая Княгиня Іуліянія, пожизненная владѣтельница Витебскаго княжества, уступленнаго ею, еще при жизни своей, Свидригеллу. По закону, оно должно было возвратиться въ казну, и не извѣстно почему именно Ягелло не оставилъ этого княжества за Свидригелломъ; но, причисливъ его къ королевскимъ имуществамъ, послалъ туда правителемъ Федора Весну. Обиженный Свидригелло, не успѣвъ у Короля прозвобою, напалъ на Витебскъ, убилъ Весну, и на мѣсто его поставилъ отъ себя другаго. Король поручилъ Витольду наказать непокорнаго брата. Витольдъ и Скиргелло, соединивъ свои войска, не медля ни сколько выступили противъ брата. Сперва подсту

пили къ Друцку; но тамошніе князья приняли ихъ хлѣбомъ солью, и еще придали имъ въ помощь своихъ людей; отъ Друцка пошли къ Оршѣ, жители которой, державшіе сторону Свидригаллы, упорно защищались два дня, на третій сдались. Пришла очередь на Витебскъ; такъ какъ осада его предвѣщала много трудностей, то князья пригласили въ помощь себѣ Смоленскаго князя Юрія Святославича. Граждане Витебскіе, уstraшенные и сильною ратію и страхомъ казни за сопротивленіе, сдали городъ. Волею не волею Свидригелло самъ явился къ осаждающимъ съ покорностію и, кажется, великодушно былъ прощенъ Ягелломъ; потому что вскорѣ, послѣ смерти Александра Викунда, является онъ владѣльцемъ Крева (171). Но Свидригелло пылалъ ненавистію къ Витольду, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ своего несчастія и въ замкѣ своемъ, окруженный льстецами, старался возмутить дворянъ. Составился заговоръ противъ Витольда; но провѣдавъ, о случайномъ его открытіи, Свидригелло бѣжалъ изъ своего замка къ Великому Магистру (въ 1393 г.) въ Мальборгъ — мѣсто, гдѣ ковались всѣ интриги во вредъ Польшѣ. Великокняжескій престолъ, деньги и войско — все было обѣщано Свидригеллѣ за преподанную возможность Ордену держать Литву и Польшу въ непокоѣ и войнѣ вѣчной — словомъ, за возможность Ордену ловить рыбу въ мутной водѣ. Конечно, высокой эмигрантъ старался убѣдительно и ясно представить права свои на великокняжескій престолъ, избразить надежды свои на партіи, державшія его сторону; говорилъ о сокровищахъ, зарытыхъ имъ

въ замкахъ (172), и Крестоносцы, искавшіе повода къ войнѣ, охотно вѣрили этому.

LIV.

Чего желали, то представилось вскорѣ. Крестоносцы пренебрегли посредничествомъ Ягеллы въ несогласіяхъ между ними и духовенствомъ. Раздраженный Король взялъ штурмомъ Визну, въ 1396 г. Этого лишь и ожидали Крестоносцы, устремившіеся на Жмуйдь и Литву; и въ этихъ нападеніяхъ Свидригелло принялъ на себя постыдную роль провожника враговъ на собственное отечество. Ягелло двинулъ войско къ Двинѣ и взялъ Дюнебургъ (173). Пробравшись съ отрядомъ Крестоносцевъ, чрезъ Псковскія земли, Свидригелло завладѣлъ Витебскомъ, съ гражданами котораго успѣлъ предварительно условиться; изъ прочихъ же городовъ выслалъ королевскихъ намѣстниковъ; словомъ, возмутилъ все Витебское княжество и занялъ его. Но безразсудность Свидригеллы — раздѣлившаго свое войско на малые отряды, которыми онъ занималъ почти каждый городъ, почти каждое мѣстечко — погубили его дѣло. Витольдъ поспѣшилъ съ войскомъ къ Витебску и обложилъ его. Послѣ тридцатидневной осады взялъ штурмомъ нижній замокъ; войско и жители ушли въ верхній; но отъ этого произошло тамъ такое столпленіе народа, что воины хотѣли выбросить гражданъ изъ замка. Открылось замѣшательство и — врата замка растворились предъ осаждающими. Побѣдитель явилъ себя умѣреннымъ, казнивъ не многихъ, простилъ прочихъ

но Свидригелла въ оковахъ отправилъ къ Ягеллѣ. Примѣру Витебска послѣдовали и прочіе города этого княжества (174). Король вскорѣ простилъ Свидригелла, давъ ему въ удѣлъ Польскую Подолію и 1400 гривенъ ежегоднаго дохода отъ соляныхъ источниковъ (175).

LIV.

Въ 1430 г. умеръ Витольдъ. Съ согласія Короля и по единодушному желанію народа великокняжескій престолъ отданъ былъ Свидригеллу (176). Но, неуступчивый и раздражительный, онъ не могъ ужиться съ Ягелломъ и Поляками, которые рѣшились за это погубить его; но посторонними необременительными для короны средствами. Съ этою цѣлію они уговорили короля предложить Литовскій престолъ Сигизмунду Кейстутевичу, который успѣлъ возмутить Литовскихъ пановъ, возненавидѣвшихъ Свидригелла за его нравъ крутой и за предпочтеніе вѣроисповѣданія Православнаго Католическому; потому, вскорѣ вся католическая Литва приняла сторону Сигизмунда. Составился обширный заговоръ и, 17 сентября 1432 г., Сигизмундъ, предводительствуя заговорщиками, ночью вошелъ въ Ошмяны, напалъ на замокъ, изъ котораго едва спасся Свидригелло, оставивъ тамъ жену, дворъ и сокровища (177).

Свидригелло бѣжалъ въ Полоцкъ и, тутъ опомнившись, едва вѣрилъ своему исчезнувшему, какъ сонъ, величію. Обратился къ прежнимъ союзникамъ Крестоносцамъ и съ войскомъ ихъ располо-

жился подъ Динабургомъ. Между тѣмъ Витебскъ и Полоцкъ не присягали Сигизмунду; но вмѣстѣ съ Псковомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ держали сторону Свидригеллы, къ которому присоединились: зять его князь Тверскій Борисъ Александровичъ и Юрій Семеновичъ князь Мстиславскій, поспѣшившій къ нему изъ Новгорода. Съ войскомъ многочисленнымъ, простиравшимся до 40,000, двинулся Свидригелло къ Ошмянамъ, гдѣ находилось уже Сигизмундово не многочисленное, но отличное войско съ польскою конницею, подъ главнымъ начальствомъ молодаго Сигизмундова сына Михаила. Потерявъ въ кровопролитномъ сраженіи, 8 декабря 1432 г., 10,000 убитыми и 4000 плѣнными, Свидригелло, разбитый на голову, едва спасся на подставныхъ лошадяхъ въ Полоцкъ и оттуда въ Псковъ (178).

LVI.

Крестоносцы и Императоръ, рѣшившіеся во что бы то ни стало не допускать соединенія Литвы съ Польшею, ободряли Свидригеллу, не терявшему вмѣстѣ съ битвами и надежды. Потому, будущность представлялась ему еще отрадною: отъ Крестоносцевъ, Татаръ, Волоховъ, изъ Москвы, Твери и Подоліи ждалъ онъ помощи и, въ послѣднихъ числахъ августа 1433 г., съ Крестоносцами и Тверитянами выступилъ въ Литву. Литва была въ то время совершенно беззащитною: Польша, занятая войною въ Подоліи и Пруссіи, не могла послать помощи; литовскіе вельможи, раздраженные жесто-

костію Сигизмунда, не давали ему войска и—Великій Князь Литовскій, едва успѣвшій собрать нѣсколько хоругвей для защиты своей особы, долженъ былъ укрываться отъ непріятели. Итакъ, Свидригелло, выступивъ изъ Полоцка, безпрепятственно пошелъ Ошмяны, Лиду, оттуда двинулся къ Вильнѣ, изъ Вильны въ Троки и дошелъ до Молодечны, гдѣ въ первый разъ только услышалъ о Сигизмундѣ, шедшемъ уже за нимъ съ войскомъ. Дошло до битвы; Литовцы потерпѣли сильное пораженіе. Потомъ Свидригелло взялъ Заславль, изъ Заславля пошелъ къ Минску и дошелъ до Борисова. Отсюда Крестоносцы поворотили домой; а Свидригелло ушелъ въ Лукомль. Недалеко отъ Лукомля, въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Сѣнинскаго уѣзда Черевъ, спокойно доживалъ вѣкъ свой маститый старецъ князь Михаилъ Пеструцкій (179). Свидригелло, досадуя на Михаила за его нейтральность, забралъ себѣ все его имущество, а самаго, окованнаго цѣпями, приказалъ отправить въ Лукомль. Въ этомъ замкѣ Свидригелло оставилъ воеводою своего шурина, и поручилъ ему свою беременную супругу. Междутѣмъ, пока Свидригелло отдыхалъ въ Лукомлѣ, прибыли къ нему послы отъ Короля, который, сокрушаясь духомъ о разореніи своей отчизны, предлагалъ миръ брату. Свидригелло, оставленный всѣми своими союзниками, находился въ трудномъ положеніи; такъ что Сигизмундъ легко могъ бы уничтожить его въ Лукомлѣ, если бы умѣлъ воспользоваться случаемъ. Потому, предложеніе Ягеллы принято съ удовольствіемъ и уполномоченные отъ Свидригеллы — 25 сентября, въ лагерь подъ Ясенцемъ —

заклучили съ послами отъ Короля и Крестоносцевъ перемиріе на три мѣсяца, назначивъ 30-е ноября для трактата о мирѣ. Между главными пунктами перемирія было освобожденіе плѣнныхъ ⁽¹⁸⁰⁾.

Свидригелло искренно желалъ мира, а Сигизмундъ притворствовалъ, и — когда первый распустилъ свое войско, то онъ — усиливъ свое вновь прибывшими Поляками, пошелъ къ Литовско-русскимъ городамъ. Узнавъ объ этомъ, Свидригелло просилъ Великаго Магистра вторгнуться въ Литву и отвлечь Сигизмунда; а самъ, не надѣясь на свою безопасность, сперва удалился въ Мстиславль, а потомъ съ малымъ числомъ людей ушелъ за Днѣпръ въ Черниговскія и Кіевскія земли. Сигизмундъ, желая отмстить Мстиславскому Князю за помощь Свидригеллу, приказалъ своему войску завладѣть Мстиславлемъ; но Литовцы, простоявъ здѣсь три недѣли, возвратились въ Литву безъ успѣха. Услышавъ объ отступленіи ихъ, Свидригелло прибылъ въ Витебскъ, куда велѣлъ представить узника своего князя Михаила Пеструцкаго. Несчастный старецъ, завязанный въ мѣшокъ, былъ брошенъ въ прорубь на Двинѣ.

XLVII.

Король всячески старался примирить братьевъ, но напрасно: ни тотъ, ни другой не хотѣлъ откзаться отъ права обладанія всею Литвою. Сигизмундъ крѣпко уповалъ на Польскихъ магнатовъ, не любившихъ Свидригеллу; а Свидригелло, имѣя въ своихъ рукахъ многіе укрѣпленные замки въ

Руси Литовской и многихъ союзниковъ внѣ ея, не отчаявался рано или поздно достигнуть своей цѣли. Ягелло не видѣлъ болѣе терзавшей его сердце борьбы, сошедши въ могилу 31 г. мая 1434 г. На Польскій престолъ возведенъ юный сынъ его, подъ именемъ Владислава III. По смерти брата, Свидригелло снова покусился попытать счастья противъ своего соперника. Получивъ помощь изъ Москвы, Твери, Одоева, отъ Татаръ и Крестоносцевъ, прибывшихъ къ нему подъ начальствомъ Магистра Ливонскаго Керслорфа, онъ двинулся изъ Полоцка къ Бреславию; но проливные дожди, сдѣлавъ дороги непроходимыми, заставили его воротиться назадъ. Вездѣ служило счастье Сигизмунду и вездѣ терялъ Свидригелло; такъ что Крестоносцы — главная его опора, проигравъ сраженіе, принуждены были заключить миръ съ Литвою и Польшею; и Свидригелло нѣкоторое время сидѣлъ запершись въ Витебскѣ.

Однако же, еще ни Императоръ ни Крестоносцы еще не оставляли его. Одобряя миръ, заключенный Крестоносцами, Кесарь въ то же время подстрекалъ Свидригеллу къ новой войнѣ, обѣщая ему помощь и вѣнецъ державный. Въ Смоленскѣ Свидригелло принималъ Кесарскихъ пословъ, явившихся съ этимъ предложеніемъ, и надежда оживила его. Въ Руси Литовской замѣтно было общее движеніе; повсюду собирались подъ знамена Свидригеллы толпы охотниковъ. Узнавъ объ этомъ, Сигизмундъ послалъ сюда нѣсколько отрядовъ, чтобы разогнать собиравшіеся шайки. Это войско дошло до Витебска, гдѣ находился въ то время самъ соперникъ Сигизмундовъ. Свидригелло, вышедъ изъ

города, погнался за Литовцами, и — разбитый прибѣжалъ укрыться въ городъ (въ февралѣ 1435 г.). Наконецъ, пришла и ожидаемая отъ Кесаря помощь: Чехи подъ предводительствомъ Короля своего Сигизмунда Корибута, которому Кесарь сдѣлалъ вѣды на Великое Княжество Литовское. Свидригелло собралъ не мало и своего войска, усилившагося отрядами изъ Москвы, Твери, отъ Татаръ Казанскихъ и Крестоносцевъ. Съ такими весьма значительными силами, состоявшими подъ главнымъ начальствомъ Корибута, двинулся онъ изъ подъ Витебска, около 15 августа 1435 г. Сигизмундъ тоже приготовился къ войнѣ, имѣя подъ знаменами восемь тысячъ Польской конницы; войскомъ командывалъ сынъ его Михаилъ. Оба войска отъ Вилькомира пошли по двумъ противоположнымъ берегамъ рѣки Святой и остановились тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ р. Викторія. Корибутъ, присмотрѣвшись войску Литовскому, не предвѣщалъ ничего добраго, совѣтывалъ избѣгать сраженія; но Крестоносцы отвергли всякую мысль объ отступленіи. Случилось то, что предвидѣлъ Корибутъ: коль скоро началъ онъ отдвигать войска отъ рѣки для того, чтобы приобрести болѣе мѣста для сраженія, Литовцы, скучавшіе бездѣйствіемъ, принявъ это за знакъ робости и отступленія, быстро переправившись чрезъ рѣку, стремительно уларили на непріятеля и, послѣ кровопролитнаго боя, почти уничтожили его. При этомъ страшномъ пораженіи убитъ, въ числѣ прочихъ, братъ Мстиславскаго Князя Юрія Ярославъ Лингвиніевичъ, родившійся въ Копорьѣ въ 1411 г.; братъ его Семень, Даниилъ Семеновичъ Ольшанскій,

Михаилъ Львовичъ Вяземскій, Ярославъ Тверскій, Магистръ Ливонскій и множество доблестныхъ рыцарей и мужей. Главный вождь Корибутъ смертельно раненый взятъ въ плѣнъ; число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 50,000. Самъ Свидригелло бѣжалъ въ Полоцкъ. Черезъ три недѣли пришелъ Сигизмундовъ сынъ лишать его и послѣдняго достоянiя. Княжество Смоленское покорилось добровольно, и заплатило контрибуцію; тоже сдѣлала Орша со всѣмъ своимъ уѣздомъ т. е. Могилевомъ и нѣкоторыми другими городами, и княжество Витебское. За Свидригелломъ остались лишь замки Полоцкъ и Витебскъ, упорно защищавшіе почти до самаго лѣта 1456 г. Наконецъ, потерявъ и эту опору, Свидригелло бѣжалъ на Волынь и нашелъ убѣжище въ Луцкѣ, по милости племянника своего великодушнаго Короля Польскаго Владислава III (181).

XLVIII.

Подъ Вилькомиромъ рѣшилась судьба Свидригеллы и рѣшилась невозвратно; хотя и боролся онъ съ нею еще нѣкоторое время. Бывшіе его друзья и союзники Крестonosцы, не только оставили его во дни несчастiя; но еще попрекали его политическими ошибками. Однако Императоръ, хотя впрочемъ для приличiя только, оказывалъ вниманіе къ злосчастной судьбѣ этого Князя и не терзалъ упреками его больнаго сердца. Еще долгое время и надежда не покидала души Свидригеллы; даже самъ Императоръ утѣшалъ его несбыточною мечтою, что еще добрый

Богъ улучшить судьбу его и осуществить его надежды. Великодушный Король Польскій съ своей стороны оказалъ еще болѣе вниманія злополучному Свидригеллу; но, съ другой стороны, имѣлъ онъ врага непримиримаго въ могущественномъ Князѣ Литовскомъ Сигизмундѣ, рыскавшемъ на жизнь его и слѣдившимъ за каждымъ его шагомъ. Потому, не считая себя вполнѣ безопаснымъ, Свидригелло вдругъ скрылся въ Валахію, гдѣ пребывалъ нѣкоторое время въ неизвѣстности. Это обстоятельство подало поводъ къ романтической выдумкѣ, будто бы Свидригелло былъ пастухомъ въ Валахіи ⁽¹⁸²⁾ — истая выдумка, ибо онъ жилъ въ Перемышлѣ съ дворомъ довольно значительнымъ, вспомоствуемый щедротами Короля Польскаго, и откуда тоже бѣжалъ вскорѣ, замѣтивъ себя окруженнымъ шпионами Сигизмундовыми. Союзъ съ католиками, поставилъ его въ ложное, не естественное въ отношеніи къ самому себѣ положеніе. Поборникъ православія, но надѣявшійся всего лишь отъ Крестоносцевъ и Императора, долженъ былъ протворяться расположеннымъ къ уніи — положеніе доведшее его наконецъ до безчеловѣчнаго злодѣянія. Такъ, въ 1435 г., въ самую критическую минуту жизни своей, участь которой надѣялся онъ улучшить при помощи католиковъ, сжегъ онъ живаго въ Витебскѣ Кіевскаго митрополита Герасима, ревнителя Православія, единственно для того, чтобы не показать себя противникомъ уніи въ глазахъ Императора и Крестоносцевъ его тогдашнихъ союзниковъ ⁽¹⁸³⁾. Еще разъ улыбнулась судьба Свидригеллу послѣ смерти Сигизмундовой, и онъ могъ бы быть Вели-

кимъ Княземъ Литовскимъ, если бы сумѣлъ воспользоваться случаемъ. Последнее время провелъ онъ спокойно, пользуясь уваженіемъ и вниманіемъ своихъ племянниковъ и наконецъ, послѣ жизни, богатой приключеніями и преисполненной превратностей судьбы, Свидригелю, удрученный лѣтами и судьбою, скончался въ любимомъ имъ Луцкомъ замкѣ, предложенномъ ему вмѣстѣ съ областію великодушнымъ племянникомъ, Королемъ Польскимъ Владиславомъ III (184).

LVIX.

Владѣя Литвою, Бѣлоруссією и Малороссією, Сигизмундъ Кейстутевичъ старался истребить изгнанныхъ имъ князей. Въ 1440 г. поймалъ въ Трокахъ Мстиславскаго Князя, явившагося изъ Новгорода, посадилъ его въ темницу и отчину его взялъ **у** себя. Но въ томъ же году, въ недѣлю цвѣтоносную, Сигизмундъ убитъ въ своихъ покояхъ, какъ тиранъ безумный. На Литовскій престолъ возведенъ братъ короля Казиміръ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Казиміръ освободилъ Юрія изъ темницы и возвратилъ ему Мстиславль; но Юрій явилъ себя неблагодарнымъ и навлекъ праведный гнѣвъ Великаго Князя, вмѣшавшись въ дѣла Смоленскія. Намѣсто Смоленскаго намѣстника Яна Гастольда—незадолго до смерти Сигизмунда, вызваннаго въ Троки—назначенъ былъ Саковичъ. Какъ скоро пришла въ Смоленскъ вѣсть о смерти Сигизмунда, Саковичъ назначилъ присягу на вѣрность тому, кого паны Литовскіе изберутъ на престолъ Великокня-

жескій и объявилъ при томъ, что до того времени всѣ должны признавать его самаго верховнымъ начальникомъ. Епископъ, бояре, граждане и ремесленники безъ всякаго прекословія выполнили присягу. Но скоро власть Саковича для многихъ сдѣлалась нестерпимою. Быть можетъ, онъ, потворствуя боярамъ, вмѣстѣ съ ними угнеталъ низшія сословія гражданъ; ибо не много спустя, именно въ среду Пасхальной недѣли, въ городѣ произошло большое смятеніе: загудѣлъ сборный колоколъ и затѣмъ вооруженныя толпы Смоленскихъ ремесленниковъ начали расхаживать по улицамъ и грозить всякому, кто сохранилъ послушаніе Саковичу. Намѣстникъ созвалъ бояръ и, по совѣту ихъ, приказалъ своей стражѣ сѣсть на коней и разогнать мятежниковъ. Стража, положивъ многихъ на мѣстѣ, многихъ ранивъ, возстановила спокойствіе; но не на долго. Ночью съ новою силою вспыхнулъ мятежъ и сдѣлался повсемѣстнымъ. Саковичу ничего болѣе не оставалось, какъ оставить городъ; за нимъ послѣдовало все его семейство и многіе изъ бояръ; народъ же избралъ себѣ воеводою Дорогобужскаго Князя Андрея Димитріевича. Бояре не согласились на этотъ выборъ и, чтобы положить конецъ смутамъ, нѣкоторые изъ нихъ поѣхали въ Вильну, гдѣ учинивъ присягу Казиміру, они принесли жалобу на своеволие гражданъ. Это устало ихъ; но вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру бояръ, они отдались въ покровительство Мстиславскому Князю Юрію, избравъ его своимъ господиномъ, въ надеждѣ найти въ немъ защиту отъ гнѣва Казимірова. Юрій съ своимъ удѣломъ еще не да-

валъ присяги новоизбранному Великому Князю, и принялъ предложеніе. Междутѣмъ Великокняжескій совѣтъ съ миромъ отпустилъ бояръ Смоленскихъ, обѣщавъ имъ всякую защиту и поручивъ имъ убѣдить Мстиславскаго Князя, не вмѣшиваться въ дѣла Смоленскія. Юрій не послушался; самовластно началъ разбирать жалобы гражданъ; многихъ бояръ казилъ, другихъ заключилъ въ темницу, отдавъ имѣнія ихъ своимъ боярамъ. Этого мало: онъ возмутилъ противъ Казиміра Полоцкое и Витебское княжество, и присоединилъ ихъ къ своему удѣлу. Подобное своеволие требовало достойнаго наказанія. Войско Сигизмундово явилось подъ Смоленскомъ; но, простоявъ тутъ три недѣли, ничего не успѣло, выжгло только монастыри и посады кругомъ города, и, захвативъ не много плѣнныхъ, воротилось обратно. Наконецъ, осенью 1441 г. двинулся съ войскомъ къ Смолнску и самъ Казиміръ; Юрій тайно бѣжалъ съ женою въ Москву; Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ покорились и присягнули Казиміру. Въ это самое время Новгородцы, къ неудовольствію Великаго Князя Московскаго и въ угодность Казиміру, вызвали къ себѣ изъ Литвы, другаго Ольгердова, внука Іоанна Владиміровича, падѣливъ его пригородами; но скоро поссорились съ нимъ и съ Казиміромъ, выслали Іоанна въ Литву, и вторично призвали къ себѣ изъ Москвы Юрія Лингвиніевича.

LX.

Послѣ ослѣпленія, въ 1446 г., Великаго Князя Василя Васильевича Шемякою, братъ Великой Княгини Василий Ярославичъ Князь Боровскій, не желая послѣ такого злодѣянія оставаться въ Россіи, отѣхалъ въ Литву, и получилъ отъ Казимира въ удѣлъ, кромѣ другихъ городовъ, Гомель и Мстиславль. Но въ томъ же году Василий Ярославичъ оставилъ Литву, спѣша изъ Мстиславля съ войскомъ Литовскимъ на помощь Василю Темному, снова возведенному на престолъ, и остался княжить по прежнему въ Боровскѣ. Мстиславскій удѣлъ опять остался празднымъ. Междутѣмъ Юрій Лингвиніевичъ скучалъ въ Новгородѣ и тосковалъ по своей отчизнѣ; тѣмъ болѣе, что Новгородцы не дали ему ничего кромѣ жалованья. Черезъ кума своего Троцкаго воеводу Яна Гастольда старался умиловити Великаго Князя Литовскаго: Казимиръ простилъ Юрія и возвратилъ ему Мстиславль, Кричевъ и другіе города его удѣла. Впрочемъ, Юрій не оставлялъ пока и Новгорода. Объ остальной его жизни ничего не говорятъ лѣтописи; только еще разъ упоминается объ немъ въ письмѣ Великаго Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому, въ которомъ тотъ проситъ его свободно пропустить черезъ свои владѣнія Герцога Новгородскаго Юрія Лингвиніевича, намѣревающагося ѣхать въ Вильнакъ, въ 1447 г., и въ отвѣтномъ письмѣ Магистра Ливонскаго, соглашающагося пропустить Князя Юрія Лингвиніевича черезъ Орденскія владѣнія.

но безъ многочисленной свиты. Изъ надписи на портретѣ Юрія, хранящемся въ Онуфриевской церквѣ, видно, что онъ, въ 1453 г. былъ въ Мстиславлѣ, подтвердилъ запись своего отца для этого храма, и еще кое что прибавилъ отъ себя. Ни мѣсто, ни время его кончины не извѣстны (185).

Впрочемъ, взаимоотношеніи внѣшней политики и Сигизмундово и Казимірово царствованіе прошло спокойно, то есть не было ни мира, ни войны; оба двора переговаривались о мирѣ, ограничивались спорами за границы. Псковитяне, съ своей стороны, для прекращенія споровъ по этому поводу, въ бытность Казиміра въ Витебскѣ, отправили къ нему пословъ съ просьбою о привиденіи границъ въ ясность. Хотя Король намѣренъ былъ даже лично заняться этимъ дѣломъ; однакоже все осталось по прежнему. Въ память спасенія Королевы Елисаветы отъ утопленія, 20 іюля въ день Пророка Іліи, Казиміръ велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи нѣсколько церквей православныхъ на берегахъ рѣкъ Двины, Днѣпра и Сожа: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ, Могилевѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Чериковѣ (186), и подарилъ этимъ храмамъ во владѣніе перевозки. Словомъ, это время не изобильно событіями (187). Бѣлорусскій край отдыхалъ благодатною тишиною отъ прошедшихъ тревоженій. Казалось, воцарился давно желанный миръ; но то былъ не миръ, но лишь ложный призракъ его, тишина кратковременная, непродолжительное отдохновеніе двухъ соперниковъ могучихъ предъ грядущею вѣковою кровопролитною ихъ борьбою.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Борьба за Бѣлоруссію и Русь Литовскую.

Война Іоанна III съ Казиміромъ и Александромъ. — Велрошская битва. — Перемиріе. — Борьба Василя съ Сигизмундомъ. — Битва подь Оршею. — Кон. Острожскій. — Новая война. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Глинскій. — Вторая битва подь Оршею. — Переговоры о мирѣ. — Осада Полоцка. — Чудо. — Перемиріе. — Борьба Іоанна IV съ Сигизмундами, — Первое вторженіе Россіявъ въ Бѣлоруссію. — Второе; взятіе Гомеля. — Построеніе Себѣжа и Велижа. — Перемиріе.

LXI.

Россія, низвергнувъ иго Монголовъ, поуправившись и съ внутренними смутами, начали мало по малу окрѣпляться, и въ царствованіе Іоанна III является уже могущественною державою. Все измѣнилось: прежде почти незамѣтная, не внушавшая почти никакого страха врагамъ своимъ, теперь выступаетъ сильною на сцену политическихъ дѣйствій; возмужавъ, требуетъ того, что было отнято во дни ся младенчества. Первымъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было столкновеніе съ Литвою, возвысившуюся во дни внутренняго неуройства

Россіи и разширившуюся на счетъ ея природныхъ владѣній. Потому, со времени Іоанна III начинается достопамятная война, война продолжавшаяся почти 150 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Литва и Россія дрались на жизнь и смерть за Бѣлоруссію и область Сѣверскую; война, обратившая въ печальную пустыню большую часть этого края, спасеннаго раннимъ подданствомъ Литвѣ, могуществомъ Олгерда и Витольда отъ ига Монгольскаго.

Еще въ маѣ 1492 г. Великій Князь Іоаннъ III отправилъ въ Краковъ Беклемишева съ требованіемъ: возвратитъ нѣкоторые издревле Россійскіе города и въ числѣ ихъ Рогачевъ и Хлепень (Жлобинъ) въ нынѣшней Могилевской губерніи. Беклемишевъ засталъ Короля уже на смертномъ одрѣ. По смерти Казимира, послѣдовавшей 25 іюня 1492 г., когда въ Польшѣ спорили о новомъ королѣ, Литовцы избрали Великимъ Княземъ Александра, младшаго Казимирова сына. Іоаннъ воспользовался отлѣченіемъ Литвы и скоро открылись непріязненныя дѣйствія: нѣсколько Россійскихъ отрядовъ двинулось въ Литву; одинъ изъ нихъ взялъ Рогачевъ, принадлежавшій въ то время Ходкѣвичу, и отправилъ тамошняго намѣстника и множество жителей въ Москву (188).

Въ 1493 г. открылось гнусное злоумышленіе на жизнь Великаго Князя Московскаго. Князь Иванъ Лукомскій поклялся Казимиру убить или отравить врага его, и съ этою цѣлію вступилъ въ Россійскую службу. Кончина Казимира не отклонила убійцу отъ умысла; но не скромность его обнаружила тайную думу. Лукомскій взятъ подъ стражу; при немъ

найденъ ядъ, которымъ онъ хотѣлъ умертвить Іоанна; Лукомскаго сожгли въ кѣткѣ на берегу рѣки Москвы вмѣстѣ съ его единомышленникомъ, какимъ-то Матіасомъ.

Это происшествіе усилило вражду Іоанна къ дѣтямъ Казиміровымъ, и онъ тѣмъ дѣятельнѣе сталъ помышлять о возвращеніи древняго достояніи Россіи. Но, Александръ желалъ мира, для заключенія котораго, послѣ многихъ переговоровъ, явились въ Москву великіе Литовскіе послы. По этому миру, въ числѣ многихъ городовъ, уступленъ въ 1494 г. Россіи Мстиславль, въ которомъ вѣроятно не было тогда Князя; ибо Иванъ Юрьевичъ, какъ можно догадываться, скончался; а сынъ его Михаилъ Ивановичъ княжилъ въ Изяславлѣ или Ижеславлѣ. Наконецъ, помышляя объ упроченіи мира съ Россіею, Александръ въ этомъ же году сочетался бракомъ съ дочерью Іоанна Еленою, съ которою въ концѣ лѣта посѣтилъ здѣшній край. Но, и родственныя связи государей не даровали мира ихъ державамъ.

LXII.

Взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный. Въ Апрѣлѣ 1500 г., Король услышалъ о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи. Поводомъ къ этому служило притѣсненіе въ Литвѣ Православной вѣры, въ чемъ увѣрились Іоанна выходцы Литовскіе. Еще въ началѣ Іоаннова правленія, Иванъ Андреевичъ Можайскій и сынъ Шемякинъ Иванъ Димитріевичъ, враги Государя Московскаго, ушли въ Литву, гдѣ Казиміръ

далъ первому княжество Черниговское съ городомъ Гомелемъ, а второму Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Но дѣти ихъ: Можайскаго Симеонъ и внукъ Шемякинъ Василій, забывъ вражду наследственную, передались съ своими городами Юанну. Они то и утвердили Великаго Князя въ мысли, объ угнетеніи православія въ Литвѣ. Справедливость этихъ навѣтовъ ничѣмъ не доказана; но дочь Юаннова Елена, не смотря на самыя настоятельныя его просьбы и требованія, не имѣла у себя домовой православной церкви и была окружена одними католиками — что всего болѣе огорчало Великаго Князя, и заставило наконецъ объявить зятю войну.

Въ непродолжительное время Московское войско безъ кровопролитія заняло почти всю Русь Литовскую: отъ нынѣшней Калужской и Тульской губерніи до Кіевской; другая рать взяла Дорогобужъ. Александръ съ трепетомъ обнажилъ мечъ противъ своего могущественнаго тестя, и поручилъ главное начальство надъ войскомъ славному герою Князю Константину Острожскому (189). Юля 14 1500 г. произошла близъ Дорогобужа, на берегахъ рѣки Ведроши, самая несчастная для Литовцевъ битва: около восьми тысячъ ихъ легло на мѣстѣ, множество утонуло въ рѣкѣ; военачальникъ Константинъ, князя Друцкіе и много другихъ взяты въ плѣнъ. Самъ Александръ стоялъ съ войскомъ въ нынѣшнемъ Копыскомъ уѣздѣ надъ рѣкою Бабромъ. Сюда пришла къ нему вѣсть о пораженіи, отсюда перешелъ онъ сперва подъ мѣстечко Оболицы, а потомъ къ Полоцку, гдѣ простоялъ всю осень; Смоленскъ, Витебскъ, Орша были укрѣплены. Въ началѣ 1501 г.

Московское войско, подъ начальствомъ сына Іоаннова Димитрія, прозваннаго Жилка, обложила Смоленскъ. Александръ послалъ на помощь городу значительное войско, къ которому подъ Оршею присоединился отрядъ Татаръ заволжскихъ. Смоленскъ отстояли; отбивъ Москвитянъ, Литовскій Воевода Станиславъ Бѣлый, отославъ значительную часть своего войска къ Полоцку, съ остальнымъ остановился при мѣстечкѣ нынѣшняго Чаусовскаго уѣзда Горахъ. Междутѣмъ, пока онъ стоялъ тутъ въ бездѣйствіи, князь Симеонъ Можайскій напалъ на Мстиславль. Къ счастію города Мстиславскій Князь Михаилъ Ивановичъ хорошо приготовился къ оборонѣ, удачно сдѣлалъ вылазку; но не могъ воспрепятствовать Россіянамъ опустошить околицы многолюдныя и богатыя (190).

LXIII.

Въ Москву пріѣхали послы отъ братьевъ Александровыхъ — Королей Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго — а за ними и чиновникъ Александръ съ предложеніемъ мира. Іоаннъ не отвергалъ его и объявилъ, что будетъ ожидать великихъ пословъ Литовскихъ. Но въ это время, 25 июня 1501 г., скончался Польскій Король Альбрехтъ, и Александръ — соединивъ на себя двѣ короны, Литовскую и Польскую — забылъ на время и о Литвѣ и о Россіи. Наскучивъ тщетнымъ ожиданіемъ пословъ Литовскихъ, Іоаннъ вторично послалъ сына своего Димитрія подъ Смоленскъ. Городъ опять отстояли, частію мужественною защи-

тою, частію хитростію: стѣны во многихъ мѣстахъ были уже пробиты; но Смоленскій воевода Николай Глѣбовичъ вступилъ съ князьями Шемяками, которымъ Димитрій передалъ начальство, въ переговоры будто бы съ намѣреніемъ слаться и выпросилъ отдыхъ на цѣлую ночь. Россіяне, утомленные до крайности, согласились на то съ тѣмъ, чтобы всю ночь не слышно было въ стѣнахъ стука топора. Смоленцы сдержали слово; но и безъ топора, при помощи однихъ пилъ, исправили стѣны. Не видя ни успѣха, ни конца трудамъ своимъ, Московскіе воеводы отступили отъ Смоленска и пошли на Мстиславль, отъ котораго однако были отбиты княземъ Иваномъ Соломорецкимъ.

LXIV.

Когда Польша приготовлялась къ торжеству коронаванія Александра, Іоаннъ Васильевичъ послалъ сына своего Василя и князя Симеона Ивановича, намѣстника Новгородскаго, съ войскомъ отборнымъ къ Западной Двинѣ; а князья: Симеонъ Бѣльскій, Василій Шемяка, Александръ Ростовскій и бояринъ Воронцовъ съ немалою также силою подступили къ Мстиславлю. Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ съ воеводою Евстафіемъ Дашкевичемъ вышли имъ на встрѣчу — и 14 ноября 1501 г. произошла кровопролитная битва, въ которой пало и взято въ плѣнъ семь тысячъ Литовцевъ, и отнято не мало знаменъ. Но этимъ и кончилось: Москвитяне ничего не выиграли этою побѣдою, потому что должны были спѣшить на помощь своимъ

городамъ, нападенымъ Крестоносцами. Однако же, въ іюль 1502 г., Іоаннъ Васильевичъ опять отправилъ сына своего Димитрія подъ Смоленскъ съ огромнымъ войскомъ. Часть этого войска, напавъ нечаянно на Оршу, взяла ея, пожгла деревни до Мстиславля и увела въ плѣнъ нѣсколько тысячъ народа. Но скоро вся эта огромная рать, томимая голодомъ въ странѣ, ею же опустошенной, возвратилась въ Московскіе предѣлы.

LXV.

Александръ всячески старался покончить разорительную войну. Самъ Римскій первосвященникъ Александръ VI взялся быть посредникомъ, и въ 1503 г. пріѣхалъ въ Москву чиновникъ съ грамотою отъ Папы, который просилъ Великаго Князя, ради блага всего христіанства, примириться съ Королемъ и вмѣстѣ съ другими Государями воевать Порту; Іоаннъ дозволилъ послать королевскимъ пріѣхать въ Москву. Послы явились съ предложениемъ вѣчнаго мира на томъ условіи, чтобы Іоаннъ возвратилъ Королю всю его отчину, т. е. всѣ завоеванные имъ города въ Литвѣ. «Отчина королевская — сказалъ Іоаннъ — есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы съ Божіею помощію у него взяли, того не отдадимъ.» Наконецъ вмѣсто вѣчнаго мира, согласились на шестилѣтнее перемиріе срокомъ съ 25 марта 1503 г. и, только изъ особеннаго уваженія къ зятю, Іоаннъ возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, и въ числѣ ихъ слѣдующія въ Бѣлорусскомъ краѣ: Рудью, Щучью.

Ветлицы и Святыя Озерица въ нынѣшней Витебской губерніи; Стрешинъ, Чечерскъ, Пропойскъ, Могилевъ, Мстиславль съ волостями, Кричевъ съ волостями — остались тоже за Литвою ⁽¹⁹¹⁾; за Россією же остались слѣдующія мѣста въ Рогачевскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ нынѣшней Могилевской губерніи: Гомель съ волостями, Попова Гора, Телешы, Кошелево, Залѣсье, Свѣтиловичи, Федоровка и Уваровичи.

LXVI.

До истеченія срока перемирія скончались оба, и Великій Князь Іоаннъ и зять его Александръ ⁽¹⁹²⁾. Первому наслѣдовалъ сынъ его Василій Іоанновичъ, а второму братъ, Сигизмундъ. Василій во всемъ слѣдовалъ отцовской политикѣ, не оставлялъ мысли о присоединеніи къ Россіи Литовско-Русскихъ городовъ. Жалуясь, что Литовцы тревожатъ набѣгами его владѣнія, онъ послалъ въ 1507 г. войско воевать Смоленскую область. Это войско, подъ предводительствомъ князей: Стародубскаго, Холмскаго, Микулинскаго и боярина Захаревича, 14 сентября, вторгнулось въ предѣлы Литовскіе, дошло до Мстиславля, выжгло тамъ посады, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля; наконецъ встрѣтилось съ нимъ подъ Кричевомъ, вступило въ сраженіе и было разбито на голову. Въ тоже время пришелъ на помощь своимъ самъ Король съ войскомъ Польскимъ и Татарскимъ. Россіяне поспѣшно удалились.

LXVII.

Въ 1508 г. знатный, сильный Литовскій вельможа князь Михайлъ Глинскій, оскорбленный Сигизмундомъ, передался Василию Иоанновичу и началъ воевать Литву, съ намѣреніемъ отторгнуть отъ нея всѣ древніе города Русскіе. По его настоятельнымъ просьбамъ Василій посылалъ сюда отряды за отрядами, которые заняли почти всю Бѣлоруссію. Князья Друцкіе и Мстиславскій князь Михайлъ Ивановичъ поддались Россіянамъ добровольно; но Орша оборонялась упорно. Изъ польши Глинскій пошелъ къ Минску; но тамъ услыхавъ, что сильное войско Литовское, подъ начальствомъ Фирлея, приближается къ Могилеву, а въ слѣдъ за нимъ идетъ и самъ Король съ войскомъ Польскимъ. Глинскій оставилъ Минскъ и чрезъ Борисовъ пошелъ къ Оршѣ, куда прибыло новое Россійское войско подъ предводительствомъ боярина Захарьевича и князя Щени; сюда же пришла и королевская армія, утрашившая стройностію и многочисленностію своею воеводъ Московскихъ. Снявъ городомъ; обложивъ конницею лѣвый берегъ рѣки, расположились станомъ за милю отъ города въ удобномъ мѣстѣ. Самъ Король, 13 іюля, сталъ подъ Оршею въ виду непріятели, и тотчасъ приказалъ переправы чрезъ Днѣпръ. Россіяне соединились на пунктѣ, на которомъ ожидали нападенія; между тѣмъ королевская конница — переправившись вплавъ въ двухъ мѣстахъ, нѣсколько ниже — ударила

на Русскихъ, которые въ это время все занимались
обѣдомъ. Въ главномъ Русскомъ станѣ ударили
тревогу и тѣмъ отвлекли съ позиціи свой отрядъ,
защищавшій переправу противъ самой Орши. По
наведеннымъ мостамъ Король переправилъ все свое
войско на другой берегъ. Россіяне очутились между
двумя огнями, дрались цѣлый день; но на другой,
вмѣстѣ съ Глинскимъ, оставили свой станъ и, про-
стоявъ семь дней въ Дубровнѣ, пошли къ Кричеву
и Мстиславлю, откуда, едва успѣвъ разорить нѣ-
сколько сель, должны были спѣшить въ Россію:
Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско
къ предѣламъ Московскимъ (193).

LXVIII.

Не ослѣпяясь успѣхомъ и желая успокоить свою
державу, Сигизмундъ снова предложилъ миръ Ва-
силю, принявшему его не смотря на то, что Глин-
скій, хвалясь многочисленностію друзей въ Литвѣ,
убѣждалъ продолжать войну. Написали договоръ,
такъ называемаго, вѣчнаго мира. Василій и Си-
гизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались
жить въ любви и мирѣ, доброжелательствовать и
помогать другъ другу противъ всякаго непріятеля;
впрочемъ, кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ будетъ
невозможно исполнить этого условія. Глинскій —
лишенный всей своей обширной вотчины — со
всеми ближними друзьями, между которыми былъ
и князь Друцкій Андрей, выѣхалъ изъ Литвы
въ Россію. Въ этомъ же 1508 г. возвратился въ
Литву знаменитый плѣнникъ князь Константинъ

Острожскій, за нимъ прибылъ въ Друцкъ съ двумястами воиновъ Литовскій воевода Евстафій Дашкевичъ, передавшійся Царю Московскому въ 1501 г. Тогда же случилось нападеніе Перекопскихъ Татаръ на Литву. Значительная часть ихъ напала на Друцкъ и была прогнана Константиномъ Острожскимъ, имѣвшимъ около этого города готовое войско.

LXIX.

Не долго продолжался вѣчный миръ, явились случаи, въ которыхъ невозможно было исполнить его условій, и Литва опять увидѣла въ своихъ предѣлахъ Московскія войска. Въ іюль 1513 г., самъ Государь выступилъ съ войскомъ изъ Москвы, отправивъ впередъ къ Смоленску боярина князя Рѣпню и окольного Сабурова. Хотя намѣстникъ Смоленскій Юрій Солмогубъ и былъ разбитъ ими, со всѣмъ тѣмъ осада Смоленска была до того неудачна, что войско Московское должно было отступить съ урономъ. Россіяне хвалились лишь опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ князь Василій Шуйскій.

Литовцы уже перестали бояться сильныхъ ополченій Московскихъ и думали, что завоеванія Россіяны были единственно счастіемъ Иоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить мужество своихъ. Потому, вторично, самъ предводительствуя войскомъ, Василій Иоанновичъ 29 іюля 1514 г. осадилъ Смоленскъ — и этотъ знаменитый городъ, сто

десять лѣтъ находившійся подъ властію Литвы, навсегда возвращенъ Россіи. Михаилъ Глинскій былъ главнымъ дѣятелемъ при взятіи Смоленска и потому думалъ, что, изъ благодарности за услуги, отдадутъ ему этотъ городъ во владѣніе. Василій не сдѣлалъ этого и смѣялся надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а раздраженный Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую.

LXX.

Государь, не медля долго, отрядилъ войско къ Мстиславлю. Тамошній Князь Михаилъ Ивановичъ, не имѣя силъ противиться, выѣхалъ на встрѣчу войску Московскому, принесъ присягу Василю и возвратился въ свою отчину, милостиво имъ одаренный. Это было 7 августа, а 13 того же мѣсяца добровольно поддалися Россіи города: Кричевъ и Дубровна. Литва, кажется, спокойно смотрѣла на успѣхи Россіянь. Оставивъ часть войска въ Смоленскѣ, остальные отряды Василій Іоанновичъ послалъ къ Борисову, къ Минску; а самъ возвратился въ Дорогобужъ. Михаилъ Глинскій стоялъ съ отрядомъ близъ Орши, откуда тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъяснивъ раскаяніе, обѣщавъ загладить прошедшее. Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Согласились, чтобы Литовское войско, какъ можно поспѣшнѣе шло къ Днѣпру: Глинскій ручался за побѣду. Король, оставшись въ Борисовѣ съ 4,000, остальное войско съ Константиномъ Острожскимъ послалъ къ Оршѣ. Глинскій, узнавъ объ этомъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ

изъ Русскаго стана; но не далеко отъѣхалъ. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ князя Булгакова-Голлицу о бѣгствѣ измѣнника. Воевода въ ту же минуту поскакалъ за нимъ съ легкою конницею вобгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, за версту, толпа слугъ вооруженныхъ; ихъ и господина поймали и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ и не хотѣлъ заператься, при немъ были письма Сигизмундовы, окованный цѣпями отвезенъ былъ въ Москву. Государь приказалъ Булгакову и Челядинину итти на встрѣчу Королевскому войску. Скоро встрѣтились съ собою передовые отряды Россіянь и Литовцевъ; 27 августа самъ гетманъ Острожскій два раза встрѣчался съ войскомъ Московскимъ и оба раза одержалъ побѣду; въ то же время и надъ рѣкою Бобромъ была встрѣча счастливая для Литовцевъ; а Янъ Сапѣга съ отрядомъ Польской конницы, разбилъ близъ Орши, надъ рѣкою Одровой, три полка Россіянь (194). Московскіе воеводы, смущенные неудачами и не знавшіе о числѣ Литовскаго войска, почли за лучшее уступить неприятелю правый берегъ Днѣпра, переправились чрезъ него между Оршею и Дубровною, и расположились станомъ близъ Орши, опираясь лѣвымъ крыломъ о рѣчку Кропивну, при устьѣ ея въ Днѣпръ. Нѣсколько дней оба войска, раздѣленные лишь одною рѣкою, стояли въ бездѣйствіи, наблюдая другъ за другомъ. Россіяне старались выказать огромность своихъ силъ; Острожскій, напротивъ, скрывалъ свои, показывалъ видъ будто боится боя, даже предлагалъ Московскимъ воеводамъ разойтись

безъ него. Усыпивъ такимъ образомъ бдительность непріятеля, гетманъ тайно приготовилъ переправу чрезъ Днѣпръ, въ двухъ миляхъ отъ своего стана. Среди ночи 16,000 Литовской конницы благополучно переправились чрезъ рѣку вплавь, за конницею двинулись, по приготовленной уже переправѣ, польскія хоругви Тенчинскаго, Пилецкаго, Кмиты, Зборовскаго, Мышковскаго и наконецъ конница подъ предводительствомъ Яна Свѣрчевскаго. Когда въ Русскомъ станѣ узнали, что уже половина непріятельской конницы на этой сторонѣ Днѣпра, воеводы совѣтовали не медля ударить на нее; но гордый бояринъ Челядининъ отвѣчалъ: «мнѣ мало половины, жду ихъ всѣхъ и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними» и за эту самонадѣянность воеводы Россія заплатила стыдомъ и кровію! Въ 9 часовъ утра, 8 сентября, Острожскій, избравъ выгодную позицію, выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Челядининъ построилъ своихъ въ три линіи, растянувъ ихъ на большомъ пространствѣ и подавши оба крыла впередъ, съ намѣреніемъ зайти непріятелю съ тылу. Булгаковъ, выпавъ съ праваго крыла съ конницею, стремительно ударилъ на лѣвый флангъ Литовской (193). Атака была отражена; однакожъ и Булгаковъ спокойно и стройно отступалъ къ своимъ линіямъ, пока не подлетѣлъ отрядъ Польской конницы, который, напавъ съ фланга на отступающихъ, принудилъ ихъ къ быстрому бѣгству. Гнавшая за Булгаковымъ Польская конница, замѣтивъ покушеніе Россіянь къ новому нападенію, остановилась и когда къ ней подоспѣла своя пѣхота, то, раздавшись на право и лѣво, приняла ее въ средину.

Россійскіе полки допущенные на выстрѣлъ ружейный, попали подъ сильный огонь, смѣшались и разстроились. Острожскій, не давая имъ времени оправиться, атаковалъ ихъ кавалерію. Опрокинутые на этомъ мѣстѣ, Россіяне занесли на себѣ побѣдителей на другую линію арміи. Сюда прибыли на помощь гетману Зборовскій съ своею конницею и Шишовскій съ хоругвями гусарь, которымъ удалось прорваться и чрезъ эту вторую линію. Когда это происходило въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, на правомъ Литовская конница сдѣлала притворное отступленіе и увлекла за собою Московскую, съ которою, какъ несравненно превосходящею ее числомъ, не могла вступить въ открытый бой. Вся масса Московской конница вдалась въ погоню, потерявъ стройность и порядокъ и — когда воображала, что побѣда на ея сторонѣ — Литовцы навели ее на сильнѣйшій батарейный огонь, а сами зашли ей втылъ. Смятенные Россіяне начали отступленіе и, напярая отъ праваго крыла къ лѣвому, втѣснили его въ болотистую рѣку Кропивну. Челядининъ еще стоялъ всторонѣ съ отборнымъ войскомъ, не трогаясь съ мѣста и, когда покушался ударить втылъ непріятелю, самъ былъ атакованъ Свѣрчевскимъ, предводительствовавшимъ наемною Богемскою конницею. И тутъ не устояли Россіяне, и бѣжали въ ближайшій лѣсъ. Такимъ образомъ 80,000 рать Московская, по винѣ неискуснаго начальника, была разгромлена тридцатью пятью тысячами Литовцевъ, еще никогда не одерживавшими такой славной побѣды надъ Россіянами, которыхъ гнали, рѣзали, топили въ Днѣпрѣ и Кропивнѣ; тѣлами усѣяли все

пространство между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челядинина и шесть другихъ воеводъ, 37 князей, болѣе 1500 дворянъ и чиновниковъ; взяли обозъ, знамена, артиллерію. Россіяне лишились 30,000 воиновъ, ночь и лѣса скрыли остальныхъ. Сигизмундъ, видѣ себя отъ радости, думалъ, что отниметь у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ прежнія ея завоеванія; но ошибся: эта побѣда не имѣла особенно важныхъ слѣдствій; Литовцы только заняли Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

LXXI.

Война продолжалась. Въ 1516 г. Россіяне пользуясь раздоромъ Витебскаго Воеводы Кости съ тамошнею шляхтою, уѣхавшею съ жалобами на него къ Королю, напали на Витебскъ, опустошили его окрестности и сожгли его предмѣстіе. Наконецъ, при посредничествѣ Императора Максимилиана начались переговоры о мирѣ, въ 1517 г. пріѣхали въ Москву Литовскіе послы: Янъ Щитъ намѣстникъ Могилевскій и Богушъ государственный секретарь съ 70 дворянами. Но Василій, узнавъ что войско Сигизмундово вступило въ Московскіе предѣлы и что самъ Король находится въ Полоцкѣ съ запасною ратію, не впустилъ пословъ въ Москву и велѣлъ жить имъ пока въ Дорогомиловѣ. Это нападеніе было лишь местию. За нѣсколько времени предъ симъ Псковскій воевода Андрей Сабуровъ измѣннически ограбилъ Рославль. Въ отмщеніе за это герой Сигизмундовъ хотѣлъ взять Опочку и въ

то время, когда осаждалъ этотъ городъ, Федоръ Оболенскій — Телепневъ и Иванъ Лятцкій, въ трехъ верстахъ отъ Константинова стана, разбили наголову 14,000 Литовцевъ. Послѣ этого и самъ Константинъ принужденъ былъ поспѣшно снять осаду, ушелъ даже не забравъ съ собою стѣнобитныхъ орудій. Узнавъ объ этой побѣдѣ, Василій дозволилъ послать Сигизмундовымъ явиться въ Москву. Дворъ Московскій требовалъ Кіева, Полоцка и Витебска; а Сигизмундъ Смоленска и земли Сѣверской. Потому, переговоры кончились ничѣмъ, война продолжалась.

LXXII.

Въ слѣдующемъ, 1518 г., съ наступленіемъ весны, Василій двинулъ воевать Литву сильную рать подѣ начальствомъ намѣстниковъ Новгородскаго Василія, Псковскаго Ивана и князей Шуйскихъ. Экспедиція эта явилась въ маѣ подѣ стѣнами Полоцка, противъ котораго, вскорѣ воздвиглись грозныя батареи. Осажденные защищались мужественно, дѣлая частыя вылазки; въ станѣ же осаждающихъ оказался сильный недостатокъ въ продовольствіи, такъ что за шапку сухарей платили алтынъ и болѣе. Шуйскіе рѣшились отправить за Двину для фуражировки отрядъ охотниковъ, которые, завладѣвъ судами, стоявшими подѣ самою крѣпостію, благополучно переправились на лѣвый берегъ Двины, съ котораго болѣе уже не возвратились. Самъ воевода Полоцкій Петръ Гаштольдъ былъ на той сторонѣ, набиралъ войско въ помощь осажденному

городу; собравъ же нѣсколько хоругвей шляхты и соединившись съ Яномъ Боратынскимъ, вевшимъ 500 человекъ королевской конницы, съ этими силами онъ напалъ и уничтожилъ весь отрядъ охотниковъ Московскихъ. Однако же, судовъ на Двинѣ не оказалось: снесены онѣ были водою, или уничтожены Москвитянами? не извѣстно; словомъ, что Гаштольдъ, спѣшившій на помощь осажденному городу, прибывъ къ Двинѣ нашелся въ затруднительномъ положеніи за невозможностію переправы чрезъ рѣку, въ которой междутѣмъ вода сильно прибыва, глубина и быстрота теченія не подавала никакой возможности переправы вбродъ. Тщетно поселяне, собранные съ окрестностей, искали брода для этого двухтысячнаго кавалерійскаго отряда, стоящаго надъ Двиною, въ двухъ миляхъ отъ города. Вдругъ, среди всеобщаго затрудненія, является нѣкой юный витязь въ свѣтломъ плащѣ, въ ясной бронѣ, на бѣломъ конѣ и молчаливымъ знакомъ приглашаетъ войско слѣдовать за нимъ: первый бросается въ глубокую и бурную рѣку — бродъ! Конница, благополучно достигнувъ противоположнаго берега, разбила 7000 отрядъ Московскаго войска, коего главныя силы, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, уже удалились изъ подъ стѣны Полоцка. Но юнаго витязя уже не было. Благочестивое преданіе, основываясь на нѣкоторыхъ признакахъ, велитъ намъ вѣрить, что то былъ королевичъ Казиміръ, сынъ Короля, скончавшійся въ отрочествѣ, причисленный со временемъ Папою Леономъ X къ лику святыхъ, который во-

лею Божією, вспомошествовалъ воинство своего отца (196).

LXXIII.

Въ августѣ 1519 г., Московскіе воеводы ходили изъ Стародуба опустошать самую Литву до Вильны; другіе же воеводы: Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною татарскою конницею приступали къ Витебску, къ Полоцку, выжгли предмѣстія, убили множество людей; словомъ разоряли какъ могли и умѣли непріятельскую землю. Наконецъ — обѣ стороны, утомленныя рѣшились примириться — въ 1522 г. заключено перемиріе на пять лѣтъ, считая съ 25-го декабря этого года.

Однако же, перемиріе не помѣшало намѣстникамъ Московскимъ въ Усвятахъ, Великихъ Лукахъ и Стародубѣ жестоко опустошать окрестности Кричева, Чечерска и прочихъ мѣстъ пограничныхъ; на что неоднократно, но безуспѣшно, ѣздилъ въ Москву съ жалобою посолъ королевскій Станиславъ Довгирдъ. До истеченія срока перемирія скончался въ 1533 г. Василій Іоанновичъ. Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ преемника Васиіева сына его Іоанна IV, Сигизмундъ требовалъ отъ Россіи всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Васиіемъ и, получивъ отказъ, замыслилъ силою отнять всѣ Іоанновы и Васиіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Узнавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Литовцевъ, Московская Боярская Дума, въ присутствіи юнаго царя и матери его правительницы Елены, требовала благословенія Митрополита на войну

съ Литвою; и Митрополитъ, обратясь къ державному младенцу, сказалъ:

«Государы! защити себя и насъ. Дѣйствуй мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ.»

LXXIV.

Московскіе полки, въ глубокую осень, 28 октября 1534 г., выступили изъ Москвы: то любимецъ Елены Телепневъ, командуя двумя сильными отрядами — состоявшими подъ начальствомъ лучшихъ военачальниковъ, Михаила Горбатаго и Никиты Оболенскаго — шелъ разорять Литовскія владѣнія. Отъ границъ Смоленска запылали села и города Литовскія: Дубровна, Орша, Друцкъ и Борисовъ; окрестности ихъ разорены огнемъ и мечемъ. Московское войско, не встрѣчая нигдѣ препятствія, миновавъ укрѣпленные города, простерло опустошенія на три мили отъ самой Вильны. Съ другой стороны, вторая рать Московская подъ начальствомъ князя Бориса Горбатаго, опустошивъ окрестности Полоцка, Витебска и Бреславля, соединилась подъ Молодечною съ Телепневымъ, пошевшимъ отсюда къ Двинѣ, оттуда къ Псковской границѣ, и только въ мартѣ 1535 г. вышелъ онъ наконецъ изъ Литовскихъ предѣловъ. Третья рать Московская, подъ начальствомъ Федора Телепнева, вышедъ изъ Стародуба, опустошила всю южную и юго-западную часть нынѣшней Могилевской губерніи, окрестности Могилева, Мозыря и Турова съ жестокостію, равную первымъ двумъ арміямъ, не уступавшимъ

въ лютости Татарамъ, съ тою лишь разницею, что гдѣ ни гдѣ уцѣлѣли церкви православныя и пощажены жители этого вѣроисповѣданія; болѣе 200,000 войска занято было однимъ лишь опустошеніемъ владѣній Литовскихъ, въ то время какъ Король, въ непослушаніемъ шляхты, не могъ выставить и одной рати (197).

Въ этомъ же, 1535 г., прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Московскихъ выходцевъ князя Симеона Бѣльскаго и Лятцакаго: не хотѣвъ служить имъ, они пограбили казну своихъ господъ и донесли боярамъ московскимъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы. Главный воевода князь Василій Шуйскій съ Телепневымъ, вторично принявшимъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля, котораго однако нигдѣ не увидѣли. Выжгли предмѣстіе Мстиславля, взяли острогъ и, отославъ плѣнниковъ въ Москву, шли безпрепятственно далѣе. Однако же, и Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, онъ послалъ 40,000 воиновъ въ южныя російскія владѣнія и — между тѣмъ, какъ Шуйскій жегъ и разорялъ окрестности Кричева, Радомли, Могилева — войско Литовское шло къ Стародубу, а 15,000 Крымцевъ стремились къ берегамъ Оки. Литовцы приступили къ Гомелю. Тутъ начальствовалъ малодушный князь Оболенскій-Щепинъ, бѣжавшій съ войскомъ въ Москву, гдѣ за это свергнули его въ темницу. Взявъ Гомель, Литовцы сожгли Почепъ и отступили къ Стародубу; а Шуйскій

скій, предавъ огню всё мѣста около Княжичей, Шклова, Копыси, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску. ✓

Во время этого похода, послѣ созженія Мстислава, Телепневъ поручилъ воеводамъ Борису Горбатову и Михайлѣ Воронцову съ Новгородцами и Псковитянами завладѣть берегами Себѣжскаго озера и, основавъ тамъ крѣпость, соединиться съ нимъ. Воеводы, остановившись подъ Опочкою, отрядили туда Бутурлина, который 25-го іюля 1535 г., основалъ безпрепятственно на землѣ Литовской, на полуостровѣ Себѣжскаго озера, крѣпость *Иванъ-городъ* или *Новый Себѣжъ* — нынѣшній уѣздный городъ Витебской губерніи (198).

LXXV.

Не смотря на блестящіе подвиги гетмана Тарновскаго подъ Стародубомъ успѣхъ войны былъ на сторонѣ Россіи, и существованіе новой Себѣжской крѣпости утвердилось побѣдою. Сягизмундъ не могъ равнодушно смотрѣть на эту крѣпость въ своихъ предѣлахъ: велѣлъ Кіевскому намѣстнику Немирѣ взять ее во что бы то ни стало. Войско его изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ обложило городъ.

Началась страшная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкаріи Литовскіе не сдѣлали почти ни одного мѣткаго выстрѣла. Россіяне сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе попались на озеро, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ногами ихъ. Воеводы Себѣжскіе: Князь Засѣкинъ и Тушинъ не дали имъ опомниться: ударили,

смяли, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки и едва не всѣхъ истребили. Нѣмира на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска. Правительница Елена, въ память этого блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себѣжѣ.

Литва находилась въ затруднительномъ положеніи: война истощила казну и войско, а дворянство не хотѣло содѣйствовать Королю къ продолженію оной. Удрученный неудачами и вѣкомъ Сигизмундъ уступилъ Литовскій престолъ сыну своему Сигизмунду-Августу; самъ же остался при Польшѣ. Съ другой стороны, война стала дорого и Россіи, и Телепневъ — хотя и основалъ еще двѣ крѣпости въ 1536 г. на землѣ Литовской: Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ⁽¹⁹⁹⁾ въ Торопецкомъ уѣздѣ; однако же видя тожезначительное истощеніе силъ и казны и узнавъ, что воевода Полоцкій Янъ Глѣбовичъ имѣлъ уже подъ рукою довольно сильное войско — тоже думалъ о мирѣ.

Сигизмундъ отправилъ воеводу Полоцкаго Яна Глѣбовича, старосту Мельницкаго Никодима Цѣхановецкаго и писаря Николая Андрушевича, прибывшихъ въ Москву 14 января 1837 г., съ 400 дворянъ знатныхъ и слугъ. Слѣдующаго обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: Литовцы Новгорода и Смоленска; Россіяне Кіева и всей Бѣлоруссіи; наконецъ, рѣшились заключить только перемиріе на пять лѣтъ. Условились, чтобы Россія владѣла новыми крѣпостями Себѣжемъ и Заволочьемъ; а Литва Гомелемъ. Кромѣ того, Россія

взяла себѣ въ нынѣшнемъ Рогачевскомъ уѣздѣ во-
лость Долійскую съ селами Чечерскими и Кричев-
скими, Залѣсье, Бабичи, Свѣтиловичи, Голодно,
Скорбовичи и Липечи. Перемиріе было возобно-
влено въ 1542 г., на семь лѣтъ, и потомъ еще разъ
въ 1549 г., при преемникѣ Сигизмудовомъ Августѣ
на прежнихъ условіяхъ.

Перемиріе кончилось войною за Ливонію, кото-
рую и Россія и Польша считали своею.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Борьба за Ливонію.

Паденіе Ордена. — Соединеніе Ливоніи съ Литвою и Польшею. — Вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Взятіе Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Пораженіе: Шуйскаго подъ Чашниками, Оболенскаго подъ Оршею. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Перемѣна въ Іоаннѣ. — Бѣгство Курбскаго. — Осада Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Построеніе замковъ около Полоцка. — Успѣхи Витебскаго воеводы Паца. — Полвиги Сангушки. — Взятіе Уллы. — Осада Витебска. — Смерть Сигизмунда. — Перемиріе. — Борьба Іоанна съ Баторіемъ. — Московское войско вторгается въ Ливонію. — Первый походъ Баторіевъ на Полоцкъ. — Осада и взятіе его. — Покореніе сосѣдственныхъ замковъ. — Второй походъ: на Великія Луки. — Военный совѣтъ въ Чашникахъ. — Покореніе Велижа и Усвяты. — Осада В. Лукъ. — Покореніе Невеля и Заволочья. — Болѣзнь Короля въ Полоцкъ. — Третій походъ: на Псковъ. — Перемиріе.

LXXVI.

Сигизмундъ-Августъ написалъ къ Іоанну, что долго и бесполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ наконецъ прибѣгнуть къ оружію. Іоаннъ грозилъ тѣмъ же. Россіяне съ огнемъ и мечемъ вторгнулись въ сѣверныя Орденъ.

скія владѣнія. Орденъ погибалъ — и юный Кетлеръ, Магистръ Рыцарей Ливонскихъ, явившись лично въ Краковъ къ Королю, въ пламенныхъ выраженіяхъ изобразилъ бѣдствія Ливоніи, замыслы Іоанновы и даже опасность для самой Польши, и склонилъ Августа къ дѣятельному участию въ войнѣ противъ Россіи. Въ 1559 г. подписанъ договоръ: Магистръ и Рижскій Архіепископъ, Орденъ и Духовенство, отдали Королю въ залогъ крѣпости: Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашерадъ, Диснебургъ, Розиттенъ, Люценъ т. е. нынѣшніе Динабургскій, Люценскій и Рижицкій уѣзды Витебской губерніи, съ условіемъ заплатить ему 700,000 гульденовъ по окончаніи войны; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлитъ съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи. Такъ началась между Россією и Польшею эта знаменитая за Ливонію война, стоившая такъ дорого обѣимъ державамъ.

Московское войско снова вторглось въ сѣверную Ливонію и — въ 1561 г., палъ знаменитый Орденъ Меченосцевъ. Кетлеръ прибылъ въ Вильну, въ присутствіи Короля и вельможъ Литовскихъ навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго братства Меченосцевъ въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по которому Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи, а Кетлеръ наследственнымъ Герцогомъ Курляндіи, вассаломъ королевскимъ.

LXXVII.

Принявъ Ливонію, Король приобрѣлъ съ нею трехъ враговъ: Россію, Швецію и Данію — три державы, простиравшія къ ней права свои; Іоаннъ же рѣшился воевать не Ливонію, но самую Литву. Война открылась въ 1562 г.; но, не смотря на взаимныя угрозы, военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи; а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Себѣжу, Опочкѣ, Невелю. Князь Петръ Серебрянный разбилъ Лптовцевъ близъ Мстиславля, Курбскій выжегъ предмѣстія Витебска; другіе воеводы изъ Смоленска, гдѣ начальствовалъ Царь Шигъ-Алей, ходили къ Дубровнѣ, Копысю, Шклову. Съ другой стороны Радзивиллъ, стоя близъ Орши, посылалъ отряды къ Смоленску, безъ успѣха осаждалъ Велижъ, но разорилъ всѣ окрестныя деревни и только подъ Невелемъ Поляки имѣли успѣхъ противъ Курбскаго ⁽²⁰⁰⁾. Болѣе жгли и грабили нежели сражались. Зима прекратила военныя дѣйствія, войско королевское отошло въ Литву на зимнія квартиры. Но Іоаннъ, замышляя панести важный ударъ Литвѣ, воспользовался этимъ временемъ.

LXXVIII.

Въ началѣ зимы 1562 г., собрались полки въ Можайскѣ: самъ государь отправился туда въ декабрь.

а съ нимъ князь Курбскій, цари Казанскіе Александръ и Симеонъ, царевичи Ибакъ, Тохтамышъ, Бекбулатъ, Кайбула и сверхъ знатнѣйшихъ воеводъ двѣнадцать бояръ думныхъ, 5 окольныхихъ, 16 дьяковъ, воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200 ⁽²⁰¹⁾. Это огромное ополченіе такъ внезапно вступило въ Литву, что Король находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Иоаннъ, 31 января 1563 г., осадилъ Полоцкъ и 7 февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовскаго войска съ 20 орудіями идетъ отъ Минска: гетманъ Радзивиллъ предводительствовалъ ими, онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ; но встрѣтившись съ Московскими воеводами, князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву, хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ и, не успѣлъ ничего сдѣлать: 15 февраля городъ былъ уже въ рукахъ Иоанновыхъ. Тамошній воевода Довойна услужилъ Царю своимъ неблаго-разуміемъ: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ, и, чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Иоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Эти несчастные шли на вѣрную смерть, а были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали Русскимъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно повѣстили гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единоувѣрныхъ: побѣждая милуетъ ⁽²⁰²⁾. Междутѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали и малодушный воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріателемъ сни-

сходительнымъ , который обѣщалъ свободу личную, неприкосновенность имущества, и — не сдержалъ слова. Полоцкъ славился промышленностію, торговлею, богатствомъ: Іоаннъ, взявъ казну государственную, взялъ и собственность знатныхъ , богатыхъ людей, дворянъ, купцовъ: золото, серебро, драгоценныя вещи; отправилъ въ Москву епископа, воеводу Полоцкаго ⁽²⁰³⁾, многихъ чиновниковъ королевскихъ, шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить католическія церкви и крестить всѣхъ жителей, а непослушныхъ топить въ Двинѣ ⁽²⁰⁴⁾ Один королевскіе иноземные войны могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный милостивый пропускъ, въ которомъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, сановникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе.] Нѣсколько дней онъ праздновалъ это легкое, блестящее завоеваніе древняго княжества Славянскаго, наслѣдія достопамятной Гориславы, знаменитаго въ исторіи междоусобій Россіи раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ иго Монголовъ; послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу и писалъ къ первосвятителю Макарію: «се нынѣ исполнилось пророчество дивнаго Петра Митрополита, сказавшаго, что Москва вознесетъ руки свои на плечи враговъ ея.» ⁽²⁰⁵⁾.

LXXIX.

Сигизмундъ былъ въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы; а воеводы Московскіе не теряя времени шли на Вильну, къ Мстиславию, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ этихъ обстоятельствахъ вельможи королевскіе писали къ боярамъ московскимъ, что послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если Россіане остановятъ непріятельскія дѣйствія; а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ, далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебень въ Софійскомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному князю Петру Шуйскому, Иоаннъ 26-го февраля, выступилъ оттуда со всеѣмъ войскомъ и распустилъ его въ Великихъ Лукахъ.

Перемиріе не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ; наконецъ они пріѣхали, 5-го декабря 1563 года, и, слѣдуя обыкновенію, требовали Новгорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній Лѣва, отца Иоаннова и его собственныхъ; а бояре, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что Россія для мира надежнаго должна взять у Литвы не только Кіевъ, Волинію, Подолію, Рѣчицу, Шкловъ, Могилевъ, но и Вильну, которая, по словамъ ихъ, въ древнія времена принадлежала Русскимъ. Далѣе бояре говорили о неправдѣ Короля, не хотящаго именовать Иоанна Царемъ, и хотящаго быть госу-

даремъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданныхъ Нѣмцевъ за бунтъ и непослушаніе. Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованіа, хотя бояре московскіе согласились уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Вольни и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ; однакоже послы Сигизмундовы не приняли этого условія не хотѣли утвердить за ними ни Полоцкой земли, ни Ливоніи и выѣхали изъ Москвы 9-го января.

LXXX.

Тогда воеводы московскіе немедленно выступили: Шуйскій изъ Полоцка, князя Серебрянныя Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы дѣйствовать противъ Литвы; Государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею, идти къ Минску, къ Новогрудку Литовскому и назначилъ станы, предписалъ всѣ движенія. Но князь Петръ Шуйскій, завоеватель Дерпта, слава и доблестію и человеколюбіемъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, явилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ, впереди не было стражи; никто не думалъ о неприятелѣ — а воевода Троицкій, Николай Радзивиллъ, съ дворомъ королевскимъ, съ лучшими полками Литовскими стоялъ подъ Минскомъ, имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ, зналъ все — и не допустилъ соединити

ся Шуйскому съ Оболенскими. Быстро двинулся на встрѣчу — и вдругъ внезапно, въ январѣ 1564 года, въ нынѣшнемъ Липельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи подъ мѣстечкомъ Чашниками, на поляхъ Иванскихъ, въ мѣстахъ тѣсныхъ и лѣсныхъ напалъ на Россіянь. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, воеводы и войны. Несчастнѣйшій Шуйскій заплатилъ жизнью за свою оплошность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвымъ въ колодцѣ ⁽²⁰⁶⁾; другіе, что крестьянинъ Литовскій изрубилъ его сѣкирою. Изъ людей знатныхъ пали еще два брата, князя Симеонъ и Федоръ Палецкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ воеводу Захарія Плещеева-Овчину, князя Ивана Охлибишина и нѣсколько дѣтей боярскихъ, такъ, что изъ 20.000 пало не болѣе 200 воиновъ: всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю обозъ и пушки. Тѣло Шуйскаго отвезли въ Вильну, а плѣнныхъ Россійскихъ представили больному Королю въ Варшавѣ: онъ велѣлъ служить молебны и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга ⁽²⁰⁷⁾.

Междутѣмъ князь Петръ Серебрянный-Оболенскій, стоя подъ Оршею, ждалъ извѣстія отъ Шуйскаго и посылалъ разъѣзды для освѣдомленія о Литовцахъ. Въ то время прибылъ отъ Радзивилла гонецъ къ Филону Кмитѣ, старостѣ Оршанскому, съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Кмитѣ любопытно было видѣть, что произойдетъ въ станѣ Серебряннаго, когда узнаютъ о судьбѣ Шуйскаго. Съ этою цѣлію, написавъ письмо къ старостѣ Дубровенскому, послалъ съ нимъ въ Дубровну гонца такою дорогою,

на которой ему непременно должно было встрѣтиться съ Россіянами. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о побѣдѣ и предостереженіе, что бы староста Дубровенскій былъ всегда въ готовности на своемъ постѣ; ибо Радзивилль приближается къ Оршѣ, откуда со всѣми силами постарается рано утромъ, врасплохъ напасть на станъ Серебрянаго. Между тѣмъ, самъ Кмита съ воеводою Мстиславскимъ Юріемъ Остыкомъ, вышелъ изъ города и легкою конницею осадилъ лѣса, находившіеся вблизи Россійскаго стана. Хитрость удалась: гонецъ былъ пойманъ и представленъ князю Серебрянному. Узнавъ, что случилось, Россійскіе воеводы рѣшились немедленно оставить свой станъ и идти къ Смоленску. Замѣтивъ это движеніе, Кмита приказалъ показаться изъ за лѣса своимъ хоругвямъ. «Спасайся кто можетъ!» раздалось въ войскѣ отступающемъ, вообразившемъ, что самъ Радзивилль пришелъ сюда со всѣми силами. Но Радзивилль не хотѣлъ сражаться съ Россіянами; желалъ единственно, чтобы они вышли изъ королевскихъ владѣній. Цѣль эта достигнута; но Россіяне не оставили непріятеля безъ мести: пока дошли до Смоленска, они огнемъ и мечемъ опустошали все мѣста отъ Дубровны до Кричева, и увели въ плѣнъ множество земледѣльцевъ.

LXXXI.

Зима прекратила военныя дѣйствія, и только въ началѣ іюля 1564 года 13,000 отрядъ Россіянъ подъ начальствомъ Токмакова явился подъ Озерищемъ и осадилъ эту крѣпость, славившуюся въ то время сво-

ими непослѣдними укрѣпленіями. Начальникъ гарнизона успѣлъ однако же дать знать объ этомъ Витебскому воеводѣ Станиславу Пацу, который собравъ на скорую руку 2,000 войска, вручилъ надъ ними начальство Яну Снепороду, опытному воину. Токмаковъ провѣдавъ о приближеніи его, отправилъ артиллерію водою въ Невель и приготовился къ битвѣ, въ которой претерпѣвъ совершенное пораженіе, велѣлъ безчеловѣчно умертвить всѣхъ бывшихъ у него Литовскихъ плѣнниковъ. Со всѣмъ тѣмъ Токмаковъ — хотя и жестокій, но вмѣстѣ и отважный воинъ — замѣтивъ, что по удаленіи Снепорода въ Витебскъ, гарнизонъ съ радости предался невоздержанному веселію, позабывъ о всякой осторожности, напалъ на крѣпость, завладѣвъ которою, истребилъ весь тамошній гарнизонъ. Другой воевода Бутурлинъ изъ Смоленска съ дѣтьми боярскими, Мордвою и Татарами грабилъ и опустошалъ правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской губерніи, волости Кричевскія, Мстиславскія и Радомльскія откуда вывелъ 4800 плѣнныхъ обоюгаго пола, за что въ отмщеніе войско Литовское подъ начальствомъ Филона Кмиты, графа Горскаго и Лесневольскаго опустошило область Сѣверскую, разорило Краснополе и взяло богатую добычу — товары купцевъ азійскихъ въ Почепѣ.)

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта война, подававшая мало надежды Сигизмунду; но въ Іоаннѣ уже произошла знаменитая перемѣна. Ужасъ, наведенный жестокостями его на всѣхъ Россіянъ, былъ причиною бѣгства нѣкоторыхъ знаменитыхъ его сподвижниковъ въ чужія земли. Въ числѣ ихъ

былъ и доблестный князь Андрей Владимірович Курбскій, бѣжавшій, отъ страха подвергнуться безчеловѣчной смерти, изъ Дерпта къ Сигизмунду, принявшему его съ радостію. Курбскій, могшій безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища въ Литвѣ отъ незаслуженныхъ имъ гоненій, сдѣлалъ еще болѣе: присталъ къ врагамъ Россіи. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ, сдѣлался усерднымъ врагомъ Царя (208): совѣтовалъ какъ губить Москвитянъ, упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ дѣйствовать смѣло, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ Россіи Хана и — скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ съ Радзивилломъ и Курбскимъ идутъ къ Полоцку, и что Девлетъ-Гирей съ 60,000 Крымцевъ громить Рязанскую область.

LXXXII.

Девлетъ-Гирей отразили, и все вниманіе Иоанново обратилось къ Полоцку. Сверхъ чаянія, войско Сигизмундово не имѣло успѣха. Радзивиллъ, вопреки совѣтамъ Курбскаго, расположился станомъ въ двухъ верстахъ отъ Полоцка, между Двиною и Полотію, не какъ нападающій, но какъ намѣривающійся только обороняться, и надѣялся взять городъ страхомъ или измѣною. Но воевода Полоцкій, князь Петръ Щенятевъ отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывший царь Казанскій Симеонъ, князь Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебрянные спѣшили изъ Великихъ

Лукъ зайти непріятелю втыль: ибо Іоаннъ угады-
вая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно
усилилъ полки свои на этой границѣ. Радзивилмъ
не имѣлъ довѣренности къ Курбскому, подававшему
ему хорошіе совѣты; но, вопреки его мнѣнію, опа-
сался битвы, въ которой могъ быть между двумя
огнями, стоялъ семнадцать дней праздно, терялъ
людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости, и 4-го октября
1564 года перешелъ на Литовскую сторону Двины.
Нерѣшительность Гетмана простерлась до того, что
воеводы Московскіе взяли приступомъ Озерище, а
славный побѣдитель Шуйскаго, не сдѣлалъ ни ма-
лѣйшаго движенія, чтобы спасти эту важную крѣ-
пость.

Война продолжалась; однако показалась тягост-
ною для обѣихъ сторонъ. Казалось, что Сигизмундъ
искренно желалъ конца войны для него тягостной;
казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Великіе
королевскіе послы пріѣхали въ Москву. Съ обѣихъ
сторонъ изъявили рѣдкую уступчивость. Только для
формы, по обыкновенію, повторили съ обѣихъ сто-
ронъ прежнія требованія; Сигизмундъ уступалъ
даже Полоцкъ и предлагалъ, чтобы въ Ливоніи каж-
дый владѣлъ своею частію; чтобы общими силами
изгнать оттуда Шведовъ; но Іоаннъ домогался по-
чти всей Ливоніи, за что уступалъ Королю: Озери-
ще, Дриссу, Лукомль, Курляндію. Послы стояли за
Ригу, за Венденъ и наконецъ нѣкто изъ нихъ бро-
силъ мысль, что истинный, прочный миръ можетъ
быть заключенъ самими Государями при личномъ
свиданіи ихъ гдѣ нибудь на границѣ. Эта мысль
сперва полюбилась Іоанну, избрали и мѣсто: Царю

надлежало пріѣхать въ Смоленскъ, а Королю въ Оршу, каждому съ 5000 благородныхъ воиновъ. Но послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія. Переговоры длились два мѣсяца, военныя дѣйствія пріостановились.

LXXXIII.

Военныя дѣйствія пріостановились; однако же мирныя переговоры не помѣшали Иоанну тихо и мирно продолжать наступательныя мѣры, обнаружившія его планы на дальнѣйшія завоеванія въ Литвѣ. Такъ при озерѣ Усвятахъ и при устьѣ Улы въ Двину устроены крѣпости; кромѣ того осенью, того же 1566 г., устроена въ нынѣшнихъ Полоцкомъ и Лепельскомъ уѣздахъ крѣпость Копецъ, а въ декабрѣ крѣпость Соколъ при устьѣ Нешавы въ Дриссу, тоже въ Полоцкомъ уѣздѣ ⁽²⁰⁹⁾. Крѣпости заняты были сильными гарнизонами, опустошавшими время отъ времени окрестныя страны и пытавшимися завладѣть Литовскою сосѣдственною крѣпостью Воронцомъ. Король послалъ въ Москву Василія Заборовскаго спросить отъ его имени Царя: существуетъ ли перемиріе? Иоаннъ отвѣтствовалъ: «Усвяты и Ула принадлежатъ Россіи, о прочихъ крѣпостяхъ не знаю. Воронецъ Литовцы строили во время перемирія и потому войско мое хотѣло помѣшать этому.» Итакъ, надежда на миръ не осуществилась ⁽²¹⁰⁾, и Король, получивъ подобный отвѣтъ, съ своей стороны также приказалъ пограничнымъ старостамъ наѣзжать царскія владѣнія. Въ открывшихся вслѣдъ за этимъ нападеніяхъ,

отличился вособенности начальникъ придворнаго Витебскаго воеводы Паца войска Бирюля, который командуя сильнымъ отрядомъ казаковъ грабилъ и и опустошалъ съ переменнымъ счастиемъ пограничныя Смоленскія волости ⁽²¹¹⁾. Иоаннъ писалъ къ Сигизмунду жалуясь на грабительства и прося его сохранить перемирие, извиняясь, что до сихъ поръ еще не могъ выслать пословъ, которые вскорѣ будутъ къ Королю.

Дѣйствительно, послы царскіе Колычевъ и Нагой, со свитою изъ 1200 человекъ, прибыли осенью къ Королю въ Гродно на сеймъ; и предложили для заключенія мира слѣдующія условія: (1) чтобы область Полоцкая со всеми пригородами: Лепелемъ, Коццемъ, Дрысою, Воронцомъ или Вороначемъ, Улою, Соколомъ остались за Россією; 2) чтобы Двина служила границею владѣній обѣихъ державъ въ Ливоніи; 3) чтобы Король именовалъ Иоанна: Полоцкимъ, Смоленскимъ и Ливонскимъ. Потому переговоры, по прежнему, кончились ничѣмъ и еще не успѣли послы царскіе выѣхать изъ Гродна, какъ, по повелѣнію Царя, отрядъ Россіянъ, въ 1567 г., выступивъ изъ Сѣверской области, опустошилъ на Украинѣ вотчину Острожскихъ. Вскорѣ послѣ этого главныя силы Иоанновы изъ Вязьмы, Дорогобужа двинулись къ Великимъ Лукамъ—то было войско противъ Ливоніи, шедшее съ намѣреніемъ завладѣть Люцею и Рѣжицею. Самъ Иоаннъ съ сыномъ находился при войскѣ, и, когда онъ стоялъ въ окрестностяхъ Мѣднаго, прибылъ къ нему посолъ королевскій Быковскій съ письмомъ отъ Короля, укорявшаго Иоанна въ расположеніи къ войнѣ

и пролитію крови христіанской. Іоаннъ съ своей стороны укорялъ въ томъ же Короля, отвергшаго его умѣренныя предложенія и, вопреки обычаю и народному праву, оковавъ Быковского въ цѣпи, отослалъ его въ Москву въ темницу, будто бы въ возмездіе неуваженія, оказаннаго посламъ Московскимъ, во время слѣдованія ихъ къ Королю въ Гродно. Іоаннъ всѣми силами хотѣлъ напереть на Ливонію; но вдругъ воинскій жаръ простылъ, встрѣтились препятствія непредвиденныя, дождливая осень, дурныя дороги, по которымъ не могли двигаться обозы и, 12 ноября 1567 г., Іоаннъ созвалъ военный совѣтъ въ Красный. Здѣсь—поразсудилъ о трудностяхъ похода и объ угрожающей опасности со стороны Короля, собравшаго подъ Радомкѣвичами огромное войско, съ которымъ намѣривался двинуться къ Полоцку и Великимъ Лукамъ—Царь согласился воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, возвратился въ Москву, оставивъ войско въ Великихъ Лукахъ и Торонцѣ, и написалъ къ Сигизмунду извинительное письмо, конечно, не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Хотя мокрая осень не дозволила двигаться и Литовскому войску, со всѣмъ тѣмъ Витебскій воевода Станиславъ Паць разорялъ Смоленскія волости, и въ началѣ декабря взялъ приступомъ Ситно, гдѣ погибло 300 человѣкъ гарнизона и гдѣ нашелъ онъ 120 орудій, много ядеръ и пороха, сложенныхъ здѣсь до будущаго года для Ливонской экспедиціи. Въ концѣ этого же мѣсяца разбилъ подъ Велижемъ на голову отрядъ Опричниковъ.

LXXXIV.

Съ наступленіемъ весны 1568 г. Витебскій воевода Паць возобновилъ свои набѣги. Предводительствуя своими казаками, жегъ деревни и разорялъ огнемъ и мечемъ волости въ уѣздахъ Велижскомъ, Усвятскомъ и Бѣлевскомъ; разбилъ Головина и взялъ въ неволю его самаго, посланнаго Юнномъ съ опричниками непременно привести Паца въ Москву окованнаго цѣпями. Весною князь Романъ Сангушко, Генераль-Поручикъ Королевскій, съ 1900 человѣкъ отличной конницы прибылъ подъ Чашники для наблюденія за войскомъ Московскимъ; ибо сдѣлалось уже извѣстнымъ, что Юаннъ назначилъ Оршу сборнымъ мѣстомъ для своего войска. Сангушко, узнавъ о переправѣ чрезъ Днѣпръ 8000 отряда подъ начальствомъ Амурата и Палѣцкаго, вышелъ ночью съ необыкновенною быстротою изъ Чашникъ, предъ разсвѣтомъ снялъ весь пикетъ до единого, напалъ врасплохъ на главный станъ, въ которомъ войны не успѣли даже взяться за оружіе. Часть войска истреблена, часть спаслась бѣгствомъ, Амуратъ и Палѣцкій были убиты. Отважный подвигъ до того ободрилъ не многочисленный отрядъ, что Сангушко, провѣдавъ о выходѣ Щербатова въ главѣ 6000 отряда и 3000 Татаръ подъ начальствомъ Сегита изъ Улы къ Сушѣ — засѣлъ въ лѣсу при дорогѣ и — улучивъ время, когда войско расположилось къ отдыху — вышелъ изъ засады и истребилъ почти половину этой рати ⁽²¹²⁾.

Блестящіе подвиги Сангушки воодушевили Лит-

ву, Польшу и Короля, прибывшаго лично, въ 1568 году, въ Радошкѣвичи, гдѣ собралось хорошо обученнаго войска: по Русскимъ свѣдѣніямъ до 60,000, а по Польскимъ до 100,000. Но миролюбивый Король, уже страдавшій недугами разстроеннаго здоровья, имѣвшій намѣреніе даже лично предводительствовать этимъ войскомъ, кончилъ подвигъ свой двумѣсячными маневрами, и съ блестящимъ дворомъ возвратился въ Гродно (отправивъ Гетмана Яна Хадкѣвича подъ Улу). Гарнизонъ этой крѣпости защищался съ необыкновеннымъ мужествомъ и стойкостью, тѣмъ болѣе что онъ постоянно усиливался свѣжими войсками, прибывавшими по Двинѣ на судахъ изъ Полоцка. Вскорѣ дѣла государственныхъ отозвали въ столицу Хадкѣвича, передавшаго начальство князю Сангушкѣ, который, по своему обыкновенію, прибѣгнулъ къ уловкамъ и военнымъ хитростямъ, показывая болѣе расположенія къ маралерству, нежели къ осадѣ. Въ это же самое время Филонъ Кмита Чернобыльскій подступилъ къ Смоленску и, выманивъ весь тамошній гарнизонъ въ поле, разбилъ его на голову; послѣ чего простеръ онъ опустошеніе почти до самой Вязьмы. Юрій Зиневичъ съ сыномъ опустошалъ окрестности Лепеля, занятаго Москвитянами, которыхъ отрядъ, старавшійся воспрепятствовать ему въ этомъ, разбилъ на голову. Между тѣмъ Сангушко продолжалъ притворяться безпечнымъ и допускалъ подкрѣпленія изъ Полоцка. Но замѣтивъ, что однажды горнизонъ на радости предался неумѣренному пьянству съ ново-прибывшими—ночью сушею и на судахъ подвѣвъ войско къ крѣпости по Туровлянской дорогѣ—при-

пустилъ штурмъ къ крѣпости. Непрiатель уже былъ на стѣнахъ, уже вырублены ворота, когда часовые едва только начали просыпаться. Среди величайшаго замѣшательства и темной ночи бѣжали Россiяне по крѣпости, и наконецъ собрались нестройною толпою на площади. Отряды Минки, Оскерки, Бирули, Войны, Тышкѣвича, Лукомскаго и Соллогуба, переправившагося вплавь чрезъ Двину съ конницею, уже вломились въ крѣпость. Россiяне не хотѣли сдаться, предпочитая смерть плѣну: много погибло ихъ въ рукопашномъ боѣ и рѣзнѣ жестокой, часть успѣла спастись бѣгствомъ, остальные 800 стрѣльцевъ, 300 дѣтей боярскихъ и два воеводы Вельяминовы были взяты въ плѣнъ. Подвиги Сангушки устрашили Иоанновыхъ воеводъ: Шереметева, Василiя Бутурлина и Юрiя Сабурова, посланныхъ противъ него съ сильными отрядами, при которыхъ находилось и 6,000 Татаръ. Потому, желая его отвлечь отъ Улы, воеводы осадили Витебскъ, 27 сентября 1568 г., жители котораго узнавъ о жестокостяхъ Татаръ, скрылись въ замкъ. Туда бросили огонь, отъ котораго загорѣлся городъ; но воевода Пацъ сдѣлалъ вылазку и, отбивъ осаждающихъ, погасилъ огонь. Междутѣмъ воеводы узнали о паденiи Улы и движенiи Сангушки къ Витебску, сняли осаду, продолжавшуюся трое сутокъ, и ночью поспѣшно отступили, обезпокоиваемые стыла легкою конницею Паца. Печальныя извѣстiя объ этихъ событiяхъ и слухи о неуспѣхѣ войны въ Ливонiи достигнувъ Иоанна, уже неистовавшаго въ Москвѣ, до того устрашили его, что онъ приказалъ духовенству молиться о спасенiи отечества отъ нашествiя

13.

Мусульманъ и Латинниковъ, отъ еритиковъ Ливонскихъ, поборниковъ безбожнаго Лютера ⁽²¹⁵⁾.

Наконецъ, Иоаннъ, уваживъ совѣтъ бояръ, согласился на мирныя переговоры (1569 г.). Гонцы ѣздили изъ земли въ землю, и оба Государя согласились прекратить непріятельскія дѣйствія. Посланъ Литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны. Сигизмундъ, уже преклонный лѣтами, не имѣлъ наслѣдниковъ и, движимый истинною любовію къ отечеству, желалъ упрочить соединеніе Литвы съ Польшею; Иоаннъ же надѣялся быть его преемникомъ и — ошибся: на престолъ Польскій избранъ, въ 1576 году, Князь Седмиградскій Стефанъ Баторій.

LXXXV.

Судьба Ливоніи, разоренной и опустошенной Иоанномъ, сильно беспокоила Баторія. Въ первомъ письмѣ своемъ къ Иоанну, онъ предлагалъ ему рѣшить миролюбивымъ образомъ всѣ недоразумѣнія и распри, возникшія по этому поводу между двумя державами ⁽²¹⁴⁾. Царь отвѣчалъ: ожидаю для этого пословъ твоихъ въ Москву, и — пока Баторій занимался осадю Данцига — внезапно напалъ на Ливонію.

Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову, не имѣя надежды достигнуть цѣли своей одними угрозами и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно уступилъ ему Ливонію — Иоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ этой зем-

лѣ. Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ : тутъ и во Псковѣ собрались всѣ его огромныя ратныя силы, какихъ давно не видывала Россія ; 25-го іюля Царь вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію Поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ мирѣ съ Россією. Такъ началась эта знаменитая война Іоанна съ Баторіемъ.

Въ то время Польскимъ губернаторомъ Ливоніи былъ кастелянъ Виленскій Янъ Ходкѣвичъ. Крѣпости и замки заняты были не многочисленными гарнизонами, преимущественно Литовцами, позволявшими себѣ различныя безчинства въ странѣ, которой считались они покровителями. Раздраженные этимъ жители уже пламенно желали переменъ правленія, и Іоаннъ сумѣлъ искусно воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ. Еще не вступая въ Ливонію съ войною, послалъ туда герцога Магнуса, брата Датскаго короля Фридриха II, распустивъ предварительно слухъ о намѣреніи своемъ сдѣлать его феодальнымъ Герцогомъ Ливоніи въ верховной зависимости отъ Россіи въ такомъ случаѣ, еслибы Ливонцы добровольно покорились ему. Цѣль была достигнута: взволнованные этою молвою жители, уже тяготившіеся покровительствомъ Польши, вытѣснили королевскіе гарнизоны почти изъ всѣхъ замковъ и городовъ, собрались въ Венденъ, гдѣ былъ Магнусъ, превозгласили его Королемъ и принесли ему присягу на вѣрность.

Въ это самое время войско Московское вторглось въ Ливонію, которую заняло безъ сопротивленія: уже все было подготовлено Магнусомъ. Россіяне

заняли Мариенгаузъ, Розиттенъ (Рѣжицу), Люценъ, Лаудонъ, Динабургъ, Крейдбургъ, всю страну до самаго Ашерата, милостиво обходясь съ жителями. Но, въ Ашератѣ — гдѣ нашлось множество сбѣжавшагося отсюда народа — безчеловѣчно умертвили всѣхъ мушинъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе; а женъ и дѣвъ отдали на поруганіе Татарамъ. Изъ подъ Ашерата Іоаннъ пошелъ къ Вендену; но шелъ уже предшествуемый крылатою молвою объ его безчеловѣчныхъ жестокостяхъ и врата этой крѣпости закрылись предъ нимъ. Правда, еще раскрылись онѣ, но мгновенно: вышелъ Магнусъ — покорный упалъ къ стопамъ Царскимъ, умоляя о милосердіи и пощадѣ для невинныхъ жителей Вендена, и — получилъ въ отвѣтъ пощечину. Ливонцы, предвидя судьбу свою, предпочли добровольную смерть подъ развалинами города, взорваннаго порохомъ въ глазахъ Іоанновыхъ. Завладѣвъ Румбергскимъ замкомъ, Іоаннъ владѣлъ уже всею Ливоніею, исключая Риги и Ревеля, да еще нѣсколькихъ сосѣдственныхъ замковъ.

Возвращаясь въ Россію, Іоаннъ послалъ Стефану письмо, въ которомъ выводилъ свое происхожденіе отъ брата Кесаря Августа какого-то *Прусса*, будто бы когда-то владѣвшаго Мальборгомъ и Хойницами, доказывалъ посредствомъ этого свои права приподныя на Ливонію ⁽²¹⁵⁾.

LXXXVI.

обѣда была легкая, но не прочная; къ тому же жестокости Царя привели въ ужасъ жителей Ливо-

ніи. Не трудно было завоевать страну, обольщенную Магнусомъ. Любя дѣла великія и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадю Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія зналъ, что не переговорами, а мечемъ должно рѣшить дѣло; однако писалъ Царю: удивляюсь твоему явному недружелюбію и предлагаю не лить крови, буде еще можно согласить выгоды, честь, безопасность обѣихъ державъ. Послы Стефановы, воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву, въ январѣ 1578 г., торжественно объявили, что Король желаетъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Россією. Начались переговоры: обѣихъ сторонъ предъявили устарѣлыя, прежнія неразрѣшимыя притязанія. Вѣчный миръ опять оказался невозможнымъ; согласились на перемиріе, даже не унявшее и кровопролитіе.

Но, обстоятельства уже начали принимать дурной оборотъ къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Въ Эстляндіи и Ливоніи Іоанново войско начало претерпѣвать частыя пораженія, и потеряло тамъ много городовъ, недавно взятыхъ ими. Хотя Король, занятый осадю Данцига, не могъ дѣятельно заняться судьбою Ливоніи; однако, въ этомъ году, успѣлъ по крайней мѣрѣ созвать Литовскую шляхту, надъ которою начальство поручено было Виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу, спасшему Зельбургъ и его окрестности отъ разоренія. Возвращены и Динабургъ и Венденъ. Пишутъ, что Литовцы употребили тутъ хитрость: Борисъ Сава и Вильгельмъ Платеръ, провѣдавъ что гарнизонъ въ Динабургѣ терпитъ недостатокъ въ продовольствіи, какъ

бы изъ челоѣколюбія послали Московскимъ войнамъ провизію , а съ нею и бочку вина : разсчитывая , что гарнизонъ изъ радости предастся неумѣренному его потребленію . Дѣйствительно , расчетъ оправдался : ночью Поляки , приставивъ лѣстницы къ окопамъ , безпрепятственно ворвались въ крѣпость , и выгнали изъ нее пьяныхъ воиновъ , не могшихъ защищаться . Венденомъ завладѣлъ Дембинскій съ помощію поддѣльнаго отъ воротъ крѣпости ключа , сообщеннаго ему какимъ то слесаремъ . Ночью , припустивъ фальшивую атаку съ противоположной стороны , Дембинскій съ другою частію войска вошелъ чрезъ не защищенные ворота въ крѣпость ⁽²¹⁶⁾.

Магнусъ уже измѣнилъ Іоанну ⁽²¹⁷⁾; теперь онъ дѣйствительно подумалъ о мирѣ; послы Московскіе уже были въ Краковѣ съ отвѣтомъ на письмо Баторіево: Іоаннъ желалъ дружелюбно рѣшить распри . Но Баторій , смиривъ Данцигъ , уже готовилъ войну Россіи .

LXXXVII.

Этотъ знаменитый врагъ , изъявляя миролюбіе Россіи , въ то же время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность государства . «Имѣемъ двухъ злыхъ неприятелей» сказалъ онъ Сейму «Крымцы жгутъ Россіянъ берутъ наши владѣнія . Итти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?» Уже одно присутствіе великаго мужа воодушевило вельможъ и дворянство ревностію ко благу отечества . Сеймъ рѣшилъ: оста-

вить до времени въ покоѣ Крымцевъ, усмиреніе которыхъ вовлекло бы въ войну съ Султаномъ. «Государство Московское» сказали они «велико и сильно, тѣмъ славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ природы и торговли: тѣмъ болѣе добычи!» Рѣшили единогласно воевать Россію; велѣли собирать многочисленное войско, обременили неслыханными дотолѣ налогами владѣльцевъ и гражданъ; никто не противился: вооружались и платили. Благоразумный Стефанъ просилъ помощи отъ Султана и Папы, и сыпалъ въ казну собственное серебро и золото. Выслалъ пословъ Іоанновыхъ, Карпова и Головина, пріѣхавшихъ къ нему съ мирною грамотою и отправилъ къ Іоанну письмо краснорѣчивое, сухое, но умное, въ которомъ объявилъ, что идетъ на Россію, и — въ то же время узнали, что Баторій уже въ ея предѣлахъ (218).

Нестно объявивъ войну Россіи, Стефанъ повелѣлъ войскамъ собираться въ Свирѣ, куда, прибывъ въ началѣ іюня 1579 г., собралъ военный совѣтъ для обсуждения плана предстоящей компаніи. Литовскіе вельможи предлагали итти на Псковъ чрезъ Ливонію: богатство знаменитаго города обѣщало имъ и славу и добычу, которая могла бы покрыть военныя издержки; далѣе, война происходила бы въ самой землѣ непріятельской, а городъ неукрѣпленный или съ ветхими стѣнами ручался за легкость завоеванія его. Но, Король не находилъ благоразумнымъ провести войско чрезъ Ливонію — страну, разоренную долговременною и жестокою войною — подать этимъ поводъ къ новому вторженію въ нея непріятеля, и сдѣлать ее такимъ образомъ снова театромъ

войны и войны затруднительной, гдѣ непріятель — завладѣвъ нѣсколькими замками которыхъ было тутъ много — затруднилъ бы его осадою ихъ; наконецъ, отдалившись съ войскомъ въ Ливонію, Литовскія владѣнія, особенно приднѣпровскія, оставались бы беззащитными. Путь, былъ и другой путь на Псковъ: мимо Ливоніи, чрезъ земли Московскія; но въ такомъ случаѣ, втылу арміи, оставалось бы много непріятельскихъ крѣпостей, гарнизоны которыхъ затрудняли бы походъ, обезпечивая стѣну; могли бы пресѣчь сообщенія съ странною; недопустить подкрѣпленій, подвоза припасовъ; а въ случаѣ отступленія могли бы сдѣлать его бѣдственнымъ. Напротивъ того, завладѣвъ Полоцкомъ Король надѣялся достигнуть одного и другого — освободить Ливонію и не удаляться отъ Литвы: Полоцкъ, расположенный надъ Двиною, составлялъ ключъ Ливоніи и самой Литвы; что это завоеваніе надежный щитъ для ихъ тѣла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное съ Ригою посредствомъ Двины сообщеніе, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славиѣе, тѣмъ желательнѣе взять его, для одобренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Многіе не одобряли этого плана, находя Полоцкъ неприступнымъ, сильно укрѣпленнымъ и природою и искусствомъ; не находили благоразумнымъ подвергать всю компанію опасности нападеніемъ на крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ и съ обильными во всемъ запасами; ибо неудачная осада повлекла бы за собою упадокъ духа въ народъ и войскъ. Но, Король остался непоколебимымъ. Из-

далъ, 12-го іюля, манифестъ къ войску, въ которомъ подробно изложилъ причины, заставившія его поднять оружіе на Царя Московскаго ⁽²¹⁹⁾; издалъ манифестъ и къ народу Россійскому, объявилъ, что извлекаетъ мечъ на Царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, которыхъ будетъ щадить и мловать; что, любя доблесть, гнушается варварствомъ; желаетъ побѣды, а не разоренія, не кровопролитія бесполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не была для замедѣльцевъ и гражданъ тише, челоуѣколюбивѣ этой Баторіевой. Говорилъ какъ христіанинъ, дѣйствовалъ какъ политикъ ⁽²²⁰⁾.

LXXXVIII.

Отрядивъ впередъ къ Полоцку часть Литовскаго войска подъ начальствомъ Николая Радзивилла и сына его Кристофора и съ ними же еще часть Венгерскаго войска, подъ начальствомъ Каспера Бекеша, — самъ Король выѣхалъ изъ Свира въ Дисну. Войско Стефаново двинулось двумя колоннами: Польскія хоругви, подъ начальствомъ Гетмана Мѣлецкаго, приняли направленіе немного вправо отъ Полоцка, именно туда, гдѣ находились крѣпости Красный, Суша и Туровля, занятыя Россіянами; самъ же Король съ другою колонною шелъ прямо по направленію къ Диснѣ; авангардомъ его командовалъ князь Янушъ Збаражскій, воевода Брацлавскій. Безпрестанные дожди затрудняли до невѣроятности движеніе войска. Король неоднократно посылалъ изъ подъ собственныхъ экипажей лошадей для вытаскиванія орудій и обозныхъ тяжестей

изъ грязи необыкновенно глубокой. Только въ Диснѣ собралось уже все собственно коронное войско, которое во всемъ парадѣ представлено было здѣсь Гетманомъ Королю. Конница, покрытая латами и шлемами, вооружена была кавалерійскими пистолетами. Сюда же прибыли и всѣ остальные Литовскія хоругви; наконецъ сюда же прибыли Христофоръ Розражевскій и полковникъ Эрнестъ Вейгеръ съ наемными Нѣмецкими воинами, скрытно наварбованными въ Германіи. Вообще, войско было такъ стройно и вооружено такъ отлично, что, по сознанию Гетмана Мѣлецкаго, никогда еще подобнаго войска не видала ни Литва, ни Польша. Войско Стефаново подобно Анцибалову, состояло изъ людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаемъ, вѣрою: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Произведъ общій смотръ арміи въ Диснѣ Стефанъ, въ торжественномъ присутствіи войска и Сенаторовъ, принялъ присягу на вѣрнопопданство Литвѣ и Польшѣ отъ Герцога Курляндскаго Готарда Кетлера, утвержденного имъ потомственнымъ въ этомъ званіи (221).

Въ это время, часть Московскаго войска, стоявшаго подъ Псковомъ, вторглась въ Ливонію. Переправившись чрезъ Двину, подъ Кокенгаузенемъ опустошило Зельбургскій уѣздъ, принадлежавшій Герцогу Курляндскому и вотчину Биржанскую князя Радзивилла. Для прекращенія подобныхъ опустошеній въ Ливоніи, отправленъ туда съ небольшимъ отрядомъ войска кастелянъ Жмуйдскій Янъ Тальвошъ; а старостѣ Оршанскому Филону Кмитѣ предписано строго наблюдать за движеніемъ

пріятеля за Днѣпромъ, чтобы предупредить всякое нападеніе его оттуда на земли Литовскія ⁽²²²⁾.

Междутѣмъ, передовое войско, подъ начальствомъ Виленскаго воеводы, пришло къ Двинѣ, и по наведенному мосту переправилось на другую сторону безъ малѣйшаго препятствія со стороны Россіянъ, остававшихся, по непонятной причинѣ, въ бездѣйствіи при этомъ важномъ случаѣ. Страна была дика и пустынна: еще недавно населенная и обработанная, теперь являла она собою печальную картину запустѣнія, сплошную массу лѣса, поднявшагося на поляхъ и нивахъ со времени взятія Полоцка Юанномъ. Впереди шли съ топорами отряды Венгровъ, просѣкавшихъ дороги для войска ⁽²²³⁾.

Наконецъ, Радзивиллъ сталъ въ виду Полоцка. По пути къ нему Венгры и Поляки завладѣли Ситною крѣпостью на Псковской дорогѣ; а Казаки, подъ начальствомъ Франца Суки, взяли приступомъ замки Красный и Козьянъ. Самъ Король, послѣ выступленія изъ Дисны, на третій день былъ уже подъ Полоцкомъ, оставивъ вѣво Соколь, осадю котораго не желалъ въ то время затрудняться. Россіяне, желая устрашить Короля и войско, безжалостно умертвили Поляковъ и Литовцевъ, уже давно томившихся у нихъ въ неволѣ, и, привязавъ тѣла несчастныхъ къ бревнамъ, пустили ихъ по Двинѣ — расчетъ неблагоприятный, возбудившій не страхъ, но лишь жажду мести въ непріятелѣ. Король, переодѣвшись частнымъ лицомъ, выѣхалъ въ сопровожденіи Замойскаго и Бекеша, изъ стана для осмотра города и избранія мѣста для нападенія. Но, кажется, былъ примѣченъ: пущенное изъ крѣ-

пости ядро на-волось не попало въ него, убивъ лошадь подъ Замойскимъ, подвинувшимся на одинъ шагъ вслѣдъ за Королемъ.

LXXXIX.

Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными и расиространенными въ 1561 г. Двѣ крѣпости или замка: верхній или острогъ и нижній или стрѣлецкій, обтекаемые Полотою и Двиною, соединенные мостомъ, воздвигнутые на крутыхъ высотахъ, служили защитою большому городу, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Такимъ образомъ, въ то время Полоцкъ состоялъ изъ трехъ частей: двухъ замковъ и Заполотья т. е. самага города. Князь Василій Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ Острогѣ, Князь Димитрій Щербатый и дьякъ Вревскій въ стрѣлцкой крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердія и мужества, гораздо мевѣ искусства, какъ сказано въ Разрядныхъ книгахъ (224).

Король нашелъ необходимымъ начать осаду со стороны верхняго замка, какъ самага крѣпкаго и составлявшаго ключъ всей позиціи; завладѣвъ имъ — крѣпость и городъ не могли бы уже защищаться. Занятіе Заполотья — слабѣйшей части Полоцка, не обѣщало никакихъ выгодъ; къ тому же Полота затрудняла подступъ. Замойскій придерживался мнѣнія Короля; но, Бекешъ предлагалъ начать осаду именно съ этой части города; она первая начала высылать войска противъ осаждающихъ, она же

первая должно быть и взята; а если бы непріятель ушелъ оттуда въ верхній замокъ, то пострадалъ бы онъ тамъ уже отъ самой тѣсноты; къ тому же чрезъ Полоту, какъ она была въ то время, легко было перебродиться и пѣшему. Когда такимъ образомъ рассуждали, Нѣмецкіе воины — только что прибывшіе, не ожидая предварительныхъ распоряженій, переправившись чрезъ Полоту — шумно заняли мѣсто впереди обоихъ замковъ, и расположились лагеремъ. Король опасаясь, чтобы изъ соперничества между воинами различныхъ націй, составлявшихъ его войско, не возникли раздоры, согласился начать осаду съ той стороны, гдѣ расположился Бекешъ съ Венграми.

Порядокъ въ расположеніи осаднаго войска былъ слѣдующій: Венгры стояли лагеремъ надъ самою Двиною, противу Заполотья; вдоль праваго берега Полоты расположено было Литовское войско, подъ начальствомъ Николая Радзивилла и сына его Кристофора; за Полотою, между ею и озеромъ, находился обозъ Королевскій, стройно расположенный. Тутъ были сенаторы, дворъ королевскій и большая часть Польской конницы. Среди королевскаго обоза тянулись тремя правильными рядами шатры сенаторовъ, которыхъ близость къ королевской палаткѣ соразмѣрялась съ мѣстомъ, занимаемымъ каждымъ въ сенатѣ.

ХС.

Осада началась въ началѣ августа со стороны Заполотья: Россіяне не надѣясь удержаться въ этой

части города, зажгли ее и удалились въ верхній замокъ. Осаждающій довелъ подкопы уже до самой Полоты, дѣйствуя въ тоже время изъ орудій по стѣнамъ крѣпости и замка.

Но, осада дѣйствительно оказалась невѣроятною. Отъ безпрестанно лившихъ дождей нельзя было найти сухаго мѣста даже въ королевской палаткѣ, рѣка Полота сдѣлалась необыкновенно глубокою; подкопы затопились, залились водою; каменные ядра ⁽²²⁵⁾ дурно дѣйствовали на относительно тонкія деревянные стѣны замка, не останавливаясь въ нихъ, но пробивая на вылетъ; обозы съ хлѣбомъ тонули въ грязи, лошади падали отъ изнуренія и голода, и самое войско чувствовало недостатокъ въ продовольствіи, добываемомъ изъ за пятидесяти и болѣе миль — и Іоаннъ не воспользовался подобными обстоятельствами, при которыхъ можно было бы еще спасти осажденный городъ.

Кромѣ войскъ, отряженныхъ Іоанномъ въ Курляндію для безопаснаго губительства, въ Корелію и землю Ижерскую, Іоаннъ имѣлъ еще столько войска, что могъ бы смѣло идти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ Полоцка, онъ велѣлъ Шенну, Князьямъ Лыкову и Палѣцкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Боярскихъ и Донскихъ казаковъ спѣшить къ этому городу, вступить въ него хитростію или силою; въ случаѣ невозможности, занять крѣпость Соколы, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи прибытія главной Московской рати. Шеннъ приблизился къ Баторіеву стану, не дерзнулъ на битву и занялъ Соколь, распустивъ

слухъ, что самъ Іоаннъ будетъ тамъ скоро съ войскомъ сильнымъ. Но Король не утѣшился, чувствовалъ единственно необходимость рѣшить судьбу осады.

Видя слабое дѣйствіе бойницъ, Король предложилъ удалцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Долго трудились надъ этимъ охотники изъ Венгровъ, Литовцевъ и Поляковъ. Наконецъ, для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное сухое время: съ пылающими факелами устремились они къ стѣнамъ... многіе пали мертвые, нѣкоторые достигли цѣли и... вскорѣ вспыхнула незначительная часть стѣны, которая горѣла весь день и ночь, не смотря на усилія Россіянъ потушить пожаръ. Сдѣлался какъ бы проломъ въ стѣнѣ.

Давно уже древній Полоцкъ славился изобиліемъ торговымъ, сокровищами несмѣтными своихъ храмовъ. Далекое слылъ этимъ Полоцкъ, зналъ объ этомъ непріятель, рѣшившійся — во чтобы то ни стало — взять городъ приступомъ, дабы только имѣть право на разграбленіе его. Венгры — жадность которыхъ изощрена была этимъ вособенности — тайно отъ Короля и начальниковъ, устроились между собою въ эту же ночь ворваться въ городъ чрезъ отверстіе, еще пылавшее. Дѣйствительно, задумано и сдѣлано. Въ полночь — коль скоро все улеглось и успокоилось въ осадномъ станѣ — Венгры поднялись, подкрались и бросились чрезъ пылающее отверстіе въ замокъ и — сверхъ чаянія — встрѣчены были ужаснымъ залпомъ изъ орудій: Россіяне — какъ бы предвидя это нападеніе

со стороны настойчиваго и смѣлаго врага — поспѣшно соорудили батарею противъ горѣвшаго отверстія. Среди ночи сдѣлалась всеобщая тревога. Осыпаемые ядрами и головнями, Венгры, сквозь огонь пылавшихъ стѣнъ ломились и — вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятели: онъ возвратился усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервененію и отчаянію Россіянь.

Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ этой кровопролитной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить отступавшихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шейнь, Князь Лыковъ, Палѣцкій ударили на нихъ, то могли бы спасти крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, слышали самую битву, громкій кликъ осажденныхъ — побѣдителей въ эту минуту, кликъ призывный къ своимъ братьямъ Сокольскимъ. Но прозорливый Баторій занялъ дорогу, выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянь въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время Донскіе Казаки измѣнили Московскимъ вождямъ въ Соколѣ: самовольно ушли во свояси, къ извиненію Шейна и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили пожаръ въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новыя окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти уже разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали

отъ ядеръ Литовскихъ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ надежду и бодрость, просили переговоровъ. Сперва Воеводы и Архіепископъ Киприанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: «Страшимся не злобы Стефановой, но гнѣва Царскаго!» Въ отчаяніи великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Вольнскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить этого намѣренія ⁽²²⁶⁾, и предложили условія Стефану, который — изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или не желая длить время — согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ въ Россію съ семействами, съ имуществомъ; а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщаль великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ этомъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне живо чувствуя великодушіе и челоуѣколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая не мннуемой казни отъ гнѣва Царя, съ твердостью шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ — «доказательство удивительное любви къ отечеству!» прибавляетъ этотъ историкъ. Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ воеводствомъ ⁽²²⁷⁾.

ХСІ.

Такъ палъ знаменитый Полоцкъ, и этотъ древній городъ, удѣлъ племени Владимірова и Рогнѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ восемнадцать лѣтъ областію Государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы до царствованія Екатерины второй.

Не легко обошлось завоеваніе Полоцка, трудности осады были неимовѣрны. Осажденные явили удивительную отвагу: бревнами и каменьями, которыхъ у нихъ вездѣ было множество, жестоко разили со стѣнъ врага, отважившагося къ нимъ приблизиться. Съ изумительнымъ безстрашіемъ тушили пожары: воины и жители — безъ различія пола и возраста — стекались туда отовсюду, не смотря на то, что осаждающій сосредоточивалъ въ тѣ мѣста губительный огонь своихъ орудій, причемъ вособенности гибло множество народа. Въ виду врага сильнаго и искуснаго спускались по веревкамъ со стѣнъ крѣпости за водою и подавали ее въ сосудахъ въ крѣпость, гдѣ заливали ею огонь и хотя же смѣлые почти неизбѣжно платили жизнью за подвигъ самоотверженія, но каждый разъ также живые заступали мѣсто мертвыхъ. Вособенности затруднителенъ былъ подвозъ провіанта, о подвозѣ котораго изъ Вильны, за 50 миль, нечего было и думать. Приобрѣтеніе его возможно было только со стороны Дисны; но весь край, болѣе нежели на 50 верстъ во всѣ стороны отъ Полоцка, представлялъ печальный видъ разоренія, сплошную лѣспистую

пустыню на мѣстахъ, нѣкогда обработанныхъ. Къ тому же, подвозу его сверху и снизу по Двинѣ много препятствовали Московскіе гарнизоны замковъ Туровли и Суши; а съ четвертой стороны, страна къ Пскову и Лукамъ, тоже представляла болѣе нежели на 25 миль сплошную пустыню лѣсовъ, возникшихъ со времени покоренія Іоанномъ Полоцка. Наконецъ, ко всему этому присоединилось необыкновенно дождливое время: дороги стали непроходимыми, Полота сдѣлалась необыкновенно широкою и глубокою, и все огромное пространство вокругъ Полоцка покрыто было остовами гнѣющихъ лошадей, павшихъ отъ голода и изнурительной, превышавшей силы ихъ работы. Цѣны на съѣстные припасы и фуражъ, возвышаясь постепенно, достигли необыкновеннаго размѣра: за копець (40 гарцевъ) овса платили по 10 талеровъ и еще достать его было невозможно. Каленныя ядра, рѣшавшія въ то время судьбу осады крѣпостей, преимущественно деревянныхъ, не производили ожидаемаго дѣйствія на относительно тонкія Полоцкаго замка стѣны, пробиваемыя ими на вылетъ. Едва наконецъ удалось охотникамъ, вызваннымъ за огромныя награды, зажечь замковую стѣну факелами (228).

Король явилъ себя милостивымъ и великодушнымъ къ побѣжденнымъ. Назначилъ отряды для прикрытія Россіянь, оставявшихъ замокъ, для защиты ихъ на случай какого либо нападенія со стороны озлобленныхъ на нихъ Венгровъ и Нѣмцевъ. Выходящимъ Россіянамъ указаны два пути: одинъ велъ въ службу Королевскую, другой — въ отече-

ство; избрать одинъ изъ нихъ зависѣло отъ доброй воли каждаго, никто не замѣтилъ и тѣни принужденія. Но — не смотря на все уваженіе къ геройскимъ доблестямъ Стефановымъ, не смотря на всю милость имъ оказанную и благодарность за нее ими живо чувствуемую — къ чести Россіянь, почти всѣ они пожелали возвратиться въ отечество; хотя и знали, что тамъ ожидаетъ ихъ казнь и муки. Самъ Король лично наблюдалъ за тѣмъ, чтобы плѣнные Россіяне не потеряли какихъ либо обидъ отъ его воиновъ; замѣтивъ, что одинъ воинъ началъ грабить выходившихъ изъ крѣпости, самъ Стефанъ ударилъ невеликодушнаго булавою — обстоятельство снискавшее ему величайшую любовь и удивленіе со стороны Россіянь. Впрочемъ, Король не безъ основанія принималъ подобныя предосторожности: войско его готовило мечь Россіянамъ за умерщвленіе и безчеловѣчное истязаніе плѣнныхъ, Нѣмцевъ вособенности.

ХСII.

По выступленіи гарнизона, началось разграбленіе Полоцка. Давно уже древній городъ сльмъ богатствомъ жителей и несмѣтными сокровищами храма Софійскаго: богатство ризъ его иконъ изъ серебра и золота, осыпанныхъ драгоценными камнями, раздражало алчность осаждающихъ, Венгровъ вособенности. Потому-то, они — во чтобы ни стало — старались завладѣть замкомъ штурмомъ, чтобы только имѣть право на разграбленіе его. Не давали пощады добровольно сдававшимся, дабы тѣмъ

устрашить осажденных и заставить их, покинувъ всякую мысль добровольной сдачи, защищаться до послѣдняго часа. Но, къ великому ихъ прискорбію, добыча далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ, такъ сильно и такъ долго изощрявшимъ ихъ алчность. Всѣ сокровища уже давно вывезены были въ Россію. Зато, съ тѣмъ большимъ неистовствомъ войско предавалось грабежу: все, чего только нельзя было взять съ собою, войны рвали, били, жгли и ломали. Но всего прискорбнѣе то, что во время этого разграбленія погибло богатѣйшее книгохранилище, содержавшее въ себѣ драгоценныя лѣтописи и рукописныя писанія Св. отецъ, переведенныя съ Греческаго, какъ говорятъ, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Какая участь постигла эти сокровища письменности, кто завладѣлъ ими и куда они дѣвались? Нѣкоторые полагаютъ, что въ это же время погибъ и подлинникъ Кривско-Полоцкой лѣтописи слава ли кому извѣстной ⁽²²⁹⁾.

Отъ дѣлъ военныхъ Король обратилъ вниманіе на дѣла гражданскія и вѣры. Сколько по великодушію, столько же изъ расчетовъ политики, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія, Стефанъ, не только ни въ чемъ не стѣснялъ жителей православнаго закона; напротивъ, грамотою увѣрилъ народъ и духовенство въ неизмѣнномъ своемъ для нихъ покровительствѣ. Витебскій владыка остался по прежнему и Полоцкимъ. Для католиковъ же повелѣлъ строить огромную великолѣпную церковь, которую отдалъ своимъ любимцамъ іезуитамъ, обязаннымъ прежде всего стараться объ улучшеніи нравовъ жителей, у которыхъ необыкновенное суевѣріе соединилось съ

распутствомъ — слѣдствіе злосчастной судьбы этого края. Укрѣпленія Полоцка возобновлены по собственному Стефанову плану. Возстановилъ въ лицѣ Николая Дорогостайскаго должность Полоцкаго воеводы, которая, со времени покоренія Полоцка Іоанномъ, относясь къ незначительному Задвинскому пространству, существовала болѣе по имени, нежели на дѣлѣ. Хотя же, еще Сигизмундъ-Августъ надѣлялъ шляхту, лишившуюся съ паденіемъ Полоцка своихъ имѣній, помѣстьями въ другихъ областяхъ до времени обратнаго возвращенія Полоцка; совсѣмъ тѣмъ великодушный Король, возвращая имъ прежнее достояніе, продлилъ срокъ владѣнія другимъ еще на шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были привести въ порядокъ и устроить свои.

ХСІІІ.

Для окончательнаго покоренія страны оставалось еще завладѣть сосѣдственными съ Полоцкомъ замками: Соколомъ, Туровлею и Сушею, изъ которыхъ первые два вособенности безпокоили Короля. Соколъ лежалъ на пути къ Пскову, откуда могъ быть подкрѣпленъ постоянно. Владѣя же Туровлею, расположенною надъ Двиною, Россіяне могли громить окрестную страну. Къ Соколу отпращивалъ гетманъ Мѣлецкій съ Польскою пѣхотою и конницею и наемными Нѣмцами; къ Туровлѣ Староста Ульмскій Лукомскій и Мартинъ Куржъ съ казаками. Туровлею завладѣли безъ выстрѣла: уже нѣсколько дней какъ замолкли пушки подъ Полоц-

комъ и гарнизонъ догадывался объ участи, постигшей его; потому, коль скоро завидѣлъ приближающихся казаковъ, гарнизонъ объятый паническимъ страхомъ, поспѣшно удалился изъ крѣпости противуположными воротами, оставивъ на произволъ судьбы воеводъ своихъ, не могшихъ удержать вонновъ отъ постыднаго поступка. Теперь оставалось лишь завладѣть Соколомъ: съ паденіемъ его Суша, послѣдняя бывшая во власти Россіянъ крѣпость, оставшись одна на землѣ Литовской, принуждена была бы покориться добровольно.

Междутѣмъ Мѣлецкій шелъ съ войскомъ къ Соколу походомъ тягостнымъ, по причинѣ дурныхъ дорогъ и трудности подвоза продовольствія. Артиллерию Король послалъ Двиною до самой Дриссы, откуда по рѣкѣ Дриссѣ ее тянули вверхъ до самого Сокола. На плотяхъ, изъ крѣпкихъ брусьевъ, осадное войско въ виду крѣпости переправилось чрезъ Дриссу и облегло Соколъ. Что же Россіяне? Ни малѣйшаго движенія чтобы воспрепятствовать этому; они ограничились лишь посылкою нѣсколькихъ конныхъ отрядовъ, которые, показываясь изрѣдка въ отдаленіи, думали устроить неприятеля великимъ воплями и крикомъ. Ко всему этому Сокольскій гарнизонъ присоединилъ и удивительную оплошность: превосходя неприятеля числомъ, зная объ его усталости и претерпѣваемомъ имъ во всемъ лишеніи отъ недостатка лошадей, не напалъ на него вдругъ, но отложилъ вылазку до слѣдующаго дня; междутѣмъ какъ осаждающій, не теряя ни минуты времени, безнаказанно приближался подкопами уже къ самой крѣпости. Московскіе воеводы надѣялись

провести ночь спокойно; случилось иначе. Начальникъ осадной артиллеріи Доброславскій, желая лишь только для примѣра испытать дѣйствіе каленныхъ ядеръ на сосновыя сухія крѣпостныя стѣны, пустилъ въ нихъ три ядра: показался дымъ и стѣна загорѣлась; но мѣста первыхъ двухъ ядеръ, попавшихъ довольно высоко, были замѣчаны гарнизономъ и пожаръ потушенъ; между тѣмъ какъ третіе, завязшее при самомъ основаніи, осталось не замѣченнымъ, и вскорѣ стѣна вспыхнула пламенемъ, распространившимся во всѣ стороны. Гетманъ, на всякій случай, чтобы только имѣть войско въ готовности, велѣлъ протрубить тревогу; но гарнизонъ, уже смятенный пожаромъ, принявъ это за сигналъ къ штурму, началъ уходить всѣми воротами изъ замка. Шереметевъ, замысливъ съ частью конницы бѣжать въ Псковъ, попался въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ князю Збаражскому. Бѣжавшіе съ другой стороны съ Шейномъ наткнулись на Нѣмцевъ, которые будучи озлоблены на Россіянь за истязанія Нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Полоцкѣ, изрубилъ всѣхъ до одинаго. Оставшіеся въ замкѣ просили пощады; но когда изступленные Нѣмцы, ворвавшись въ него, начали безчеловѣчно убивать всѣхъ безъ различія, то, движимые отчаянною рѣшимостию, Россіяне опустили желѣзную рѣшетку надъ воротами, и такимъ образомъ пресѣкли всякую возможность къ отступленію, какъ самимъ себѣ такъ и врагу невеликодушному. Началась ужасная рѣзня, среди ночи, пламени и дыма и — 500 Нѣмцевъ погибло почти въ одно мгновеніе. Между тѣмъ, Поляки разломавъ рѣшетку, ворвались въ крѣпость:

часть ея защитниковъ погибла въ рукопашной битвѣ, часть — въ пламени и дымѣ, остальные спаслись плѣномъ. Ничего не могло быть ужаснѣе этой битвы: крѣпостная площадь представляла возмущающую груду тѣлъ воиновъ обѣихъ сторонъ, столпившихся для послѣдняго боя на этомъ небольшомъ пространствѣ.

Московское войско, узнавъ о паденіи Полоцка и гибели гарнизона въ Соколѣ, отошло отъ Пскова въ глубину Россіи. Иоаннъ послалъ къ воеводамъ въ Сушѣ письма, въ которыхъ, оставивъ обычную свою суровость, писалъ имъ: такъ какъ съ паденіемъ, по неисповѣдимои волѣ Всевышняго, Полоцка и Сокола, они остаются теперь безъ всякой надежды на помощь и окружены со всѣхъ сторонъ непріателемъ, то — не желая подвергать мужества ихъ бесполезному испытанію — приказываетъ имъ, уничтоживъ всѣ военные снаряды и закопавъ святыя иконы въ землю, чтобы надъ ними не издѣвались еретики, стараться какъ можно поспѣшнѣе возвратиться въ отечество; не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ ихъ преданности и мужествѣ, но потому, что не желаетъ ставить ихъ участь въ зависимость отъ слѣпаго счастія, а жизнь ихъ на жертву врагу жестокому. По несчастію, письма перехвачены и Мѣлецкій, не медля ни сколько, предложилъ гарнизону сдаться: обезоруженные воины получили позволеніе возвратиться въ отечество.

XCIV.

Въ это время Россія не была спокойна и съ другихъ сторонъ: князь Константинъ Острожскій съ своимъ сыномъ и Михайлою Вишневецкимъ опустошили Сѣверскую область до Стародуба и Почепа; а Оршанскій староста Филонъ Кмита разорялъ Смоленскій край, гдѣ обратилъ въ пепелъ болѣе 2000 дворовъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Распорядившись всѣмъ лично, расположивъ войско на зимнихъ квартирахъ, Король выѣхалъ въ Дисну, куда имѣя въ виду будущую компанію, велѣлъ свозить артиллерію. Отсюда написалъ къ Царю письмо, извѣщая его объ успѣхахъ, увѣнчавшихъ его оружіе въ войнѣ, которой и причину и бѣдствія Король приписывалъ единственно Іоанну, его страсти къ войнѣ и кровопролитію и обидамъ ему нанесеннымъ. Изъ Дисны Стефанъ отплылъ Двиною въ Друю и оттуда сухопутью прибылъ въ Вильну, гдѣ былъ встрѣченъ съ триумфомъ; а въ концѣ этого года, уже въ Варшавѣ, во время сейма, получилъ извѣстіе о покореніи Нещерды, послѣдняго замка, тоже близъ Полоцка.

XCV.

Теперь Іоаннъ непритворно желалъ мира, оба Государя размѣнялись гонцами и Баторій для заключенія мира назначилъ только пять недѣль сроку. Уже знатные сановники царскіе, Стольникъ Иванъ Сицкій, Думный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Пете-

линь ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій идетъ войною на Россію. «Назначенный срокъ минулъ» писалъ онъ къ Царю «ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ и Луки со всѣми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонію, если желаешь мира.» Такъ началась вторая война Баторія съ Іоанномъ. Непрiятель шелъ болотами и лѣсами дремучими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско; гдѣ только Витовъ, въ 1428 г., умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Новгородскимъ и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще назывались его именемъ ⁽²³⁴⁾. Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты; сражался съ немовѣрными трудностями.

ХСVI.

Замышляя походъ на Великія Луки, Король приказалъ войскамъ собираться въ Чашники ⁽²³¹⁾, расположенныя надъ р. Уллою, находящіяся въ одинаково равномъ разстояніи какъ отъ Великихъ Лукъ, такъ и отъ Смоленска; а потому, въ Москвѣ находились въ недоумѣніи на счетъ намѣреній Стефановыхъ.

Оба Государя обмѣнивались гонцами; Іоаннъ убѣждалъ Стефана не начинать военныхъ дѣйствій, изъявлялъ готовность на миръ, для заключенія котораго Царь рѣшался, даже вопреки принятому и освященному временемъ обычаю между обоими дворами, прислать своихъ пословъ въ Вильну, вмѣсто того, чтобы ожидать королевскихъ въ Москву, куда Король, ни подъ какимъ видомъ, не соглашался по-

слать своихъ, такъ какъ онѣ видѣли только однѣ оскорбленія со стороны Іоанна. Но Стефанъ, не вѣря искренности Іоанновой и хорошо понимая, что завязывая переговоры, онъ желаетъ лишь этимъ выиграть время, отвѣчалъ разъ на всегда: приму по словъ тамъ, гдѣ они встрѣтятъ меня.

Въ Чашникахъ Король собралъ военный совѣтъ. Мнѣнія раздѣлились на три: одни предлагали Псковъ, другіе Смоленскъ, третіе Великія Луки. Доказательства въ пользу и противъ перваго мнѣнія были тѣже, что и въ прошедшемъ году. Въ пользу втораго представляли славу завоеванія многолюднаго и сильнаго города; къ тому же справедливымъ находили возвратить то, что было отнято и, наконецъ, что съ паденіемъ Смоленска покорилась бы и вся обширная земля Сѣверская. Предлагавшіе Великія Луки возражали, что походъ на Смоленскъ отдалъ бы армію и отъ Двины и отъ Ливоніи, обладаніе которой было цѣлю настоящей войны; что нѣтъ никакого сравненія между многолюдной Ливоніей и относительно пустынной землей Сѣверской, что лучше владѣть первой, приближенной къ морю, примыкающей къ образованному западу и потому представляющей по своему географическому положенію столько выгодъ для мореплаванія и торговли; — нежели второй, лишенной всѣхъ этихъ выгодъ. Наконецъ, завладѣніе Великими Луками въ стратегическомъ отношеніи представляло еще ту выгоду, что отъ этого открылась бы свобода для дѣйствій на всѣ стороны противъ непріятеля, опустошать его владѣнія и — какъ разстояніе ихъ равно одинаково отъ Смоленска и Пскова, то — науступательныя

дѣйствія его могли бы быть предупреждены: захотѣлъ ли бы онъ чрезъ Смоленскъ вторгнуться въ Литву, или чрезъ Псковъ въ Ливонію. Склоняясь къ послѣднему мнѣнію, но удерживая его при себѣ тайнѣ, Король стягивалъ войска къ Чашникамъ; въ письмахъ же къ Царю титуловалъ себя Смоленскимъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ намѣревался возвратить этотъ городъ Польшѣ. Предъ выступленіемъ въ походъ, Король произвелъ общій смотръ войску, которое — дефилируя небольшими отрядами и хоругвями, и проходя вытянутымъ строемъ чрезъ узкій мостъ — явило великолѣпное зрѣлище. Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ восхваляетъ его войско, въ которомъ, не только молодые люди знаменитаго происхожденія, но даже Сенаторы, уже убѣжденные сѣдинами и государственные саповники, уже давно оставившіе военное поприще, увлеченные славою на концѣ дней своихъ снова стали подъ знаменами Марса, и служили въ конницѣ на ряду съ простыми всадниками. Если вѣрить Стрыйковскому, то всего войска у Стефана было 50,000. Не смотря еще на два письма Іоанновы, содержанія подобнаго прежнимъ, Король — осмотрѣвъ Улу и Леппель — приказалъ войскамъ походъ къ Витебску.

ХСVII.

Велижъ надъ Двиною и Усвяты надъ рѣкою и озеромъ того же имени были первые укрѣпленные замки, лежавшіе на избранномъ пути Стефаномъ. Рѣшившись владѣть всѣмъ теченіемъ Двины, Ко-

роль послалъ къ Велижу Замойскаго съ Поляками, присоединивъ къ нему часть Венгровъ и Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Надворнаго Маршала Короля Датскаго Юрія Фаренсбаха, прибывшаго къ Стефану отъ своего Короля. Отправивъ изъ Витебскъ артиллерію и большую часть обозныхъ тяжестей Двиною, раздѣливъ войско на три отряда, Замойскій пошелъ къ *Сурожу*, въ самое лучшее время, къ концу лѣта и началу осени, когда поля мирныхъ земледѣльцевъ красовались уже золотистою жатвою, которую, въ этомъ злосчастномъ краѣ — вѣковомъ ратномъ полѣ — не всегда пожиналъ тотъ, кто бросалъ сѣмена въ землю. Переправившись по наведенному мосту чрезъ р. Касплю войско благополучно достигло Сурожа. То былъ послѣдній пограничный замокъ Литовскій, построенный въ царствованіе Сигизмунда Августа, Витебскимъ воеводою княземъ Стефаномъ Збаражскимъ дабы воспрепятствовать Россіянамъ завладѣть устьями рѣкъ Каспли и Усвяты, впадающихъ въ Двину. За Сурожомъ страна, на нѣсколько миль, лежала подъ темными сосновыми лѣсами, поднявшимися на поляхъ по волѣ Россіянъ, любившихъ въ то время такимъ образомъ обеспечивать свои предѣлы и окружать пограничныя крѣпости подобными пустынями. Изъ Сурожа предлежало два пути къ Велижу: одинъ за Двиною — онъ заставилъ бы войско переправляться чрезъ нее подъ самымъ Велижемъ; другой чрезъ темный, густой сосновый лѣсъ. Замойскій избралъ послѣдній: впереди пошли рабочія команды, рубившія просѣку для войска — работа, сопряженная съ немовѣрными трудностями: нужно было срублен-

ный, уже толстоствольный, лѣсъ еще оттаскивать всторону; еще быть можетъ труднѣе было гатить болота и пропасти фашиною, вести дорогу чрезъ топи, строить длинныя мосты и дѣлать безконечныя накаты. При всемъ томъ, войско въ первый день прошло пять миль; во второй же, встрѣтивъ отъ деревни Верховья огромное болото, прошло только двѣ съ половиной мили; но на третій день явились еще новыя препятствія, увеличивавшіяся по мѣрѣ приближенія къ Велижу: въ лѣсахъ были безконечныя завалы и засѣки, такъ что трудно было пройти и пѣшему человѣку. Едва уже къ ночи войско успѣло выбраться изъ лѣса въ виду самаго Велижа, гарнизонъ котораго, впустивъ жителей въ замокъ, привѣтствовалъ непріятеля пожаромъ города.

Въ то время Велижъ былъ довольно обширнымъ замкомъ, съ девятью башнями, обнесенный высокою и толстою деревянною стѣною, съ востока и юга обтекаемый Двиною, съ прочихъ сторонъ защищенный глубокими рвами. Въ иное время, раньше, замокъ могъ бы съ успѣхомъ выдержать долговременную осаду; но теперь, весь построенный изъ дерева могъ ли устоять противъ артиллеріи, употреблявшей каленыя ядра? Хотя же, со времени взятія Стефаномъ Полоцка, Русскимъ и не было безъизвѣстно разрушительное дѣйствіе ихъ и гарнизонъ Велижа, съ намѣреніемъ противодействовать ему, даже обложилъ деревянные замковыя стѣны дерномъ; но исполнилъ это такъ дурно и такъ не искусно, что этимъ лишь ускорилъ гибель свою. Дерновый слой былъ такой посредственной

толщины, что ядра — потерявъ въ немъ часть силы отъ этого уже не пробивали самой стѣны, но — останавливаясь въ самой срединѣ ея толщи оказывали еще болѣе разрушительное на нихъ дѣйствіе; между тѣмъ какъ возможность тушенія огня уменьшилась. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ калеными ядрами въ двухъ башняхъ показался дымъ, вспыхнулъ огонь и гарнизону не оставалось ничего болѣе, какъ только покориться и сдать крѣпость, которая почти неповрежденная, съ значительными запасами снарядовъ и провіанта, досталась непріятелю.

ХСVIII.

Новый гонецъ Царскій нашелъ Стефана въ Витебскѣ. Иоаннъ, извѣщая о выѣздѣ своихъ пословъ, просилъ увѣдомить его объ условіяхъ возможнаго мира, вывести войска изъ предѣловъ Московскаго государства и заключеніе, приводя тексты изъ священнаго писанія, убѣждалъ Стефана оставить свое упрямство. Послѣ прежнихъ, ни къ чему ни привевшихъ переговоровъ, Баторій отвѣчалъ на это приказомъ войску: переправиться чрезъ Двину по тремъ наведеннымъ мостамъ, въ виду гонца Царскаго.

Походъ на Великія Луки былъ затруднителенъ чрезъ страну, которая, начиная отъ предѣловъ Литовскихъ, покрыта была на 30 миль лѣсомъ и болотами. Усвяты покорились Стефану безъ сопротивленія, да и что могъ бы сдѣлать ея слабый, не многочисленный гарнизонъ арміи, предводимой са-

нимъ Королемъ? отъ Усвятъ Баторіи шелъ къ Лукамъ, встрѣчая на пути тѣже препятствія, что и прежде: лѣса, болота и топи. Вскорѣ однакоже Королевское войско, оставивъ лѣса за собою, выступило въ страну ровную, открытую, гдѣ разбивъ нѣсколько передовыхъ отрядовъ Нагайскихъ Татаръ, безпрепятственно пошло къ Великимъ Лукамъ.

Великолуцкій замокъ съ нѣсколькими башнями расположенъ былъ на возвышенномъ мѣстѣ, облитомъ съ трехъ сторонъ озеромъ, а съ четвертой р. Ловатю, между которою и озеромъ оставалась лишь узкая полоса земли. Замокъ обнесенъ былъ до того высокимъ валомъ, что изъ за него едва только выказывались кресты на церквяхъ. Въ стѣнахъ, обложенныхъ такимъ высокимъ и толстымъ въ одиннадцать футовъ валомъ, сильный гарнизонъ, состоявшій подъ главнымъ начальствомъ Оболенскаго-Лыкова, могъ наконецъ не бояться и каменныхъ ядеръ. Къ тому же, въ Тороицѣ стоялъ значительный отрядъ Московскаго войска подъ начальствомъ Князя Хилкова, посланнаго Іоанномъ подать помощь, смотря по обстоятельствамъ, Лукамъ или Смоленску. На другой день прибыли и послы Іоанновы, едва рѣшившіеся выѣхать изъ Сурожа — послѣдняго пограничнаго Литовскаго замка — для представленія, вопреки вѣковому обычаю, иноземному Государю, вторгшемуся съ войною въ ихъ предѣлы ⁽²³²⁾. Начиная и прекращая переговоры о мирѣ, они пребыли безотлучно при Баторіи всю компанію этого года.

Укрѣпленія замка въ самомъ дѣлѣ не обѣщали

успѣшнаго исхода осады. Къ тому же, Литовскіе Сенаторы равно боялись какъ неудачи такъ и успѣха: если бы замокъ и взятъ былъ, то вся тяжесть охраненія его пала бы исключительно на самую Литву. Но, уже не время было думать объ этомъ и Баторій повелъ правильную осаду. За невозможностію зажечь калеными ядрами ни стѣнъ, ни башенъ, обложенныхъ необыкновенно толстымъ слоемъ дерна, изъ окоповъ направили выстрѣлы по бланкамъ, на которыхъ лежали крѣпостныя орудія. Орудія сбиты, ядра зажгли дерево, вспыхнулъ пожаръ; но достигнувъ до мѣста, гдѣ начался толстый слой дерна, огонь прекратился самъ собою. Оставалось одно средство: обнажить гдѣ нибудь стѣну для дѣйствія по ней калеными ядрами. Ночью, переправившись чрезъ узкую часть озера, Венгры провели подъ самую стѣну мину зазженная въ полдень размѣтала часть вала по воздуху и обнажила часть стѣны, которую и зажгли вскорѣ. Пламень обнялъ одну изъ башенъ; всѣ усилія Россіянъ потушить пожаръ остались тщетными — огонь пылалъ до самой ночи; но зато, къ отчаянію осаждающихъ, къ утру прекратился самъ собою: толстый дерновый слой мѣшалъ дальнѣйшему его распространенію. Наконецъ, случай открылъ слабую сторону крѣпости, укрѣпленной силъно, но не искусно. Когда замѣтили, что гарнизонъ, для отраженія приступа къ передовой башнѣ, не могъ дѣйствовать не только перекрестными артиллерійскими выстрѣлами съ контрфасовъ, но даже и ружейнымъ огнемъ; то тогда открылось, что можно было безнаказанно сорвать дерень съ этой башни —

которая на другой день и предстала обнаженною въ одномъ мѣстѣ по фасу. Черезъ найденное въ ней окно вброшено внутрь башни огромное количество горючихъ снарядовъ и, не смотря на отчаянныя усилія Россiянъ, на другой день клубы чернаго дыма обнаружили несомнѣнные признаки уже тлѣвшаго, ничѣмъ не угасимаго пожара, вспыхнувшаго ночью съ ужасною силою. Первою его добычею была Спасская церковь, ближайшая къ башнѣ; потомъ, пожаръ, распространяясь по деревяннымъ бланкамъ, свирѣпо обхватилъ ближайшіе дома. Король предложилъ гарнизону сдаться для спасенія отъ лютой смерти. Но, мужественные Россiяне, не смотря на свое несчастіе, соглашаясь на предложенія Короля еще предлагали и свои условія, которыя никакъ не могли быть приняты побѣдителями, не имѣвшими въ этомъ надобности. Замойскій послалъ объяснить имъ всю неумѣстность ихъ требованій, что въ отчаянномъ, подобномъ ихъ положеніи, они не могутъ и не имѣютъ права предлагать никакихъ условій, что добровольная сдача предложена имъ лишь по человѣколюбію. Между тѣмъ, обозная чернь, побуждаемая жаждою добычи, стала толпами собираться у Замковаго вала. Видъ этой черни, обозной сволочи — не участвовавшей ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ осады — начавшей уже толпами взбираться на стѣны крѣпости, пришедъ въ изступленіе Венгровъ, давно уже питавшихъ жажду мщенія противъ Россiянъ за жестокости ихъ съ плѣнными въ Полоцкѣ; жажду, не насыщенную ни въ Полоцкѣ, ни въ Сушѣ, ни въ святахъ, ни въ Велижѣ, откуда самъ Король

увольнилъ Россіянъ. Венгры бросились въ замокъ. Къ счастью, Замоискій еще заблаговременно послалъ прикрытіе для воеводъ и прочихъ, спасавшихся изъ крѣпости: огонь быстро приближался къ пороховому погребу и — вскорѣ послѣдовалъ ужаснѣйшій взрывъ, разметавшій по воздуху всѣхъ и все, что только было въ крѣпости (6 сентября). Велѣвъ погresti мертвыхъ, Король составилъ планъ укрѣпленій Великихъ Лукъ, и поручилъ исполненіе его Итальянцу Рудольфинѣ. И теперь главною причиною неудачи Россіянъ было нерѣшительность и неискусство ихъ воеводъ. Такъ Московское войско, стоявшее подъ начальствомъ Хилкова у Торопца, не только не сдѣлало ни малѣйшаго движенія, дабы хотя потревожить осаждающихъ; но еще малодушно разсѣялось при встрѣчѣ съ легкимъ отрядомъ Королевскаго войска въ виду самого Торопца.

XCIX.

Еще изъ Усвяты Стефанъ послалъ Полоцкаго воеводу Николая Дорогостайскаго къ Невелю, расположенному надъ озеромъ, обливающимъ его съ трехъ сторонъ. Неопытное войско, никогда не участвовавшее въ осадѣ крѣпостей, дѣйствовало крайне неуспѣшно; ибо не умѣя избрать приличнаго мѣста, вздумало начать осаду съ той стороны, съ которой именно замокъ защищенъ былъ наиболѣе; къ тому же тамошній гарнизонъ, частыми вылазками наносилъ осаждавшимъ чувствительныя потерп. Осада длилась и осаждающіе обратились на

конецъ и сами въ осажденныхъ среди собственныхъ оконовъ. По всѣмъ соображеніямъ, Король не могъ оставить этого замка въ рукахъ Россіянь. Пославъ сперва на помощь Литовцамъ 500 чело-вѣкъ изъ Чернаго полка, потомъ отправилъ туда же Яна Борнамиссу съ Венграми и наконецъ даже самого Замойскаго, узнавшаго уже на походѣ о покореніи Невеля. Борнамисса, прибывъ на мѣсто, сперва наступательными дѣйствіями принудилъ гарнизонъ заключиться въ замкѣ; потомъ, приблизившись къ нему окопами, зажегъ его калеными ядрами. Коль скоро показался пожаръ, то гарнизонъ, не взирая на сопротивленіе своихъ воеводъ, положилъ оружіе. Огонь поспѣшно потушенъ и замокъ неповрежденный, со всѣми запасами, достался побѣдителямъ.

Для удержанія за собою покоренной страны, Стефану оставалось еще завладѣть двумя сосѣдственными замками Торопцемъ и Заволочьемъ, по крайней мѣрѣ послѣднимъ. Охраненіе Велижа, Усвятъ и Великихъ Лукъ предвѣщало огромныя трудности, тѣмъ болѣе, что Московскіе гарнизоны въ Торопцѣ и Заволочьѣ, не только могли бы лишиться всякаго продовольствія; но, еще болѣе, получивъ подкрѣпленіе изъ Россіи, могли бы снова завладѣть ими. Къ тому же, поселяне оказывали явные признаки непріязни къ побѣдителямъ. Вособенности живо беспокоило Короля Заволочье, которое, находясь на пути къ Пскову, служило бы большею помѣхою для будущаго, предполагаемаго Баторіемъ на Псковъ, похода. Между тѣмъ, завладѣніе Заволочьемъ казалось если не невозможнымъ,

то весьма сомнительнымъ: сильный замокъ, съ многочисленнымъ гарнизономъ, построенъ былъ на островѣ среди озера; къ тому же съ Октябремъ наступила мокрая и холодная осень. Потому, Король, выѣзжая въ Невель и посылая къ Заволочью Замойскаго, предоставилъ собственному его усмотрѣнію: осадить замокъ, или, по соображенію трудностей, возвратиться назадъ.

Вслѣдъ за королемъ поѣхали въ Невель и послы Іоанновы, находившіеся при немъ безотлучно со дня прибытія. Въ ожиданіи извѣстій отъ Замойскаго, Стефанъ придержался нѣкоторое время въ Невелѣ, куда наконецъ возвратились изъ Москвы съ письмами и инструкціями отъ Іоанна гонцы королевскій и посольскій, посланные въ Москву изъ подъ Великихъ Лукъ. Царь писалъ Баторію, что видя его рѣшительное намѣреніе владѣть Ливонією, считаетъ нужнымъ пояснить ему свои древнія пріродныя права на нее, и доказывалъ ихъ тѣмъ, что происходя по прямой линіи отъ Святослава Мстиславича, назывававшагося до принятія христіанства *Юргомъ*, и основавшаго въ сѣверной Ливоніи городъ *Юрьевъ*, переименованный Нѣмцами въ Дерптъ, онъ имѣетъ всѣ права на обладаніе всею Ливонією. Условія для заключенія мира прекладалъ слѣдующія: дозволяя Баторію совмѣстно съ нимъ носить титулъ Ливонскаго, уступалъ ему четыре замка, изъ которыхъ важнѣйшій Кокенгаузенъ; лишь бы только Король возвратилъ, въ замѣнъ ихъ, съ своей стороны, Великія Луки, Веллижъ и Невель. Послы, получившіе особую инструкцію, просили Короля о дозволеніи вести пере-

говоры съ Сенаторами. Совѣщались три дня; Бояре уступали еще нѣсколько замковъ, исключая Динабурга; наконецъ объявили, что инструкции ихъ истощены. Имъ позволено слѣдовать за Королемъ въ ожиданіи новыхъ изъ Москвы (233).

С.

Междутѣмъ, Замойскій чрезъ страну открытую и ровную пришелъ къ Заволочью, лежащему на пути изъ Великихъ Лукъ къ Пскову. Самый городъ сожженъ Русскими еще во время похода Баторіева на Великія Луки, остался только одинъ замокъ сильно укрѣпленный, построенный среди озера на островѣ и сообщавшійся съ городомъ посредствомъ моста, тоже уничтоженнаго. Осадное войско расположилось на полуостровѣ, въ виду котораго высился всѣмъ фасомъ сильный замокъ, съ тремя башнями, обнесенный двойною стѣною, занятый сильнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ мужественнаго Сабурова. Возвевъ противъ башенъ замка батареи, Замойскій приказалъ сдѣлать плотъ, на которомъ, переправилъ войско на замковый островъ. Венгры съ обычною горячностью бросились на приступъ, вырубивъ топорами первую стѣну, бросились ко второй и — вопреки приказанію Замойскаго: палить отсюда по амбразурамъ — начали рубить и ее также. Гарнизонъ смѣлою вылазкою отбилъ ихъ съ чувствительнымъ урономъ. Со всѣмъ тѣмъ, Замойскій, донося обо всемъ откровенно Королю, увѣрялъ его въ успѣшномъ исходѣ осады.

Стефанъ, отираивъ въ помощь ему 900 Польской

конницы и 1000 Венгерской пѣхоты, выѣхалъ изъ Невеля въ Полоцкъ, гдѣ, сраженный страшною болѣзнію (234) — которая перешевъ изъ Азіи въ Европу, опустошила Францію и Италію, откуда занесена была въ Литву и Польшу — заболѣлъ опасно.

Не смотря на все — на мужество гарнизона, на неприступность замка, на позднее осеннее время — паденіе Заволочья было неизбѣжно. Войско, видѣвшее однѣ побѣды, не думало объ отступленіи. Плоть расширенъ вдвое и удлиненъ тоже, устроены лодки и направленъ новый съ двухъ сторонъ приступъ на замокъ, котораго междутѣмъ громили изъ всѣхъ орудій по фасу. Гарнизонъ, послѣ самой упорной защиты, слалъ замокъ Замоискому, могшему не безъ основанія гордиться покореніемъ неприступной крѣпости. Занявъ ее Венгерскимъ войскомъ, Замоискій возвратился въ Литву — чѣмъ и заключились военныя дѣйствія 1580 года. Войско изнемогало отъ трудовъ; самъ Король лежалъ больной въ Полоцкъ, и еще съ блѣднымъ лицомъ явился на сеймъ Варшавскій.

СІ.

1581

1881-й годъ.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣя до восьмидесяти становъ воинскихъ, наполненныхъ снарядами и людьми ратными, имѣя сверхъ того многочисленныя воинства полевыя, готовые устремиться на битву! Воеводы, смятенные нерѣшительностію Царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно, посылали отряды для наблюденія, для за-

щиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую землю: князя Михайлъ Котыревъ Ростовскій, Димитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову (Чклову), Могилеву, Радомлю; выжгли уѣзды и посады этихъ городовъ, разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова, гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный воевода Бутурлинъ, и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ: Іоаннъ далъ имъ золотыя медали; но не ободрился въ духѣ.

СII.

Послѣ сейма Король выѣхалъ въ Гродно, гдѣ встрѣтилъ его гонецъ царскій съ письмомъ отъ Іоанна, извѣщавшаго о выѣздѣ къ нему великихъ пословъ, которые въ самомъ дѣлѣ скоро прибыли. Бояре уступали уже всю Ливонію, удерживая лишь Нарву, Нейшлосъ, Нейгаусъ, Адсву и всю Полоцкую область. Но Король — соглашаясь возвратить Россіи всѣ прошлогоднія завоеванія, кромѣ Велижа и Себѣжа — послѣдній или уступить Польшѣ или срыть, въ послѣднемъ случаѣ Король съ своей стороны обязывался срыть Дриссу — требовалъ отъ Іоанна еще 400,000 золотыхъ за военныя издержки; о чемъ дозволилъ посламъ писать къ Царю.

Изъ Гродна Стефанъ выѣхалъ въ Дисну, гдѣ только впервые узналъ о нападеніи Московскихъ воеводъ на Могилевскій край; изъ Дисны прибылъ въ Полоцкъ, куда возвратился и гонецъ королевскій съ отвѣтомъ изъ Москвы. Послѣднее письмо

царское совѣтъ не походило на прежнія. Изъявивъ сожалѣніе, что Король не принялъ условій, предложенныхъ ему въ Невелѣ, Иоаннъ отказывалъ ему въ дальнѣйшихъ съ своей стороны уступкахъ. Напрасно выставляешь — писалъ Царь — издержки на взятія Заволочья: развѣ я просилъ тебя объ этомъ? Какихъ требуешь отъ меня денегъ, вспомни: развѣ я твой данникъ? Царь не соглашался ни на срытіе Себѣжа; ибо кто могъ бы воспрепятствовать Королю со временемъ возстановить замокъ Дриссу? Иоаннъ злился за неприсланіе къ нему пословъ королевскихъ, за что и съ своей стороны обѣщамъ никогда не присылать своихъ. Укоряя Стефана за злохитростное созженіе Сокола какими-то огненными ядрами и въ лицемѣрной ласковости съ плѣнными, Иоаннъ выставлялъ нечеловѣческую жестокость и изуверство Стефаново, не щадившую даже и мертвыхъ ⁽²³⁵⁾; наконецъ поносилъ въ выраженіяхъ не совѣтъ изысканныхъ, честь и личныя достоинства Стефановы.

Король приказалъ войску выступить изъ Витебска въ походъ на Псковъ. Завладѣвъ по пути Островомъ, войско Стефаново безпрепятственно пошло къ Пскову, и начало эту знаменитую осаду.

Въ теченіе ея начались переговоры о мирѣ, прерываемые неоднократно — чрезмѣрными требованіями съ одной и неуступчивостію съ другой стороны — и снова возобновляемые. Наконецъ, въ брянномъ станѣ Баторія, заключено было десятилѣтнее перемиріе, отъ 6-го января 1582 г., по которому послы Иоанновы, Елецкій и Олферьевъ, отказались отъ Ливоніи, уступили и Полоцкъ съ Вели-

жемъ; а Баторій согласился не требовать отъ Иоанна вознагражденія за военныя издержки, и между прочимъ возвратить Иоанну Великія Луки, Заволочье, Невель, Себѣжъ, Холмъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе, занятые имъ Псковскіе пригороды. Такъ кончилась эта война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи.

СІІІ.

Не смотря на перемиріе нападенія и грабежи еще продолжались долгое время. Литовскіе воеводы силою занимали мѣста въ уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не было ясныхъ границъ между обѣими державами; обижали, безчестили Московскихъ чиновниковъ. Стефанъ въ ласковыхъ сношеніяхъ съ Царемъ, то находилъ жалобы его справедливыми — обязываясь немедленно унять дерзость Литовскихъ чиновниковъ — то винилъ Россіянъ, оправдывая своихъ — и принудилъ Иоанна послать на границу въ сентябрѣ 1583 г., 2000 Дѣтей Боярскихъ и стрѣльцевъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ угѣсненій Витебскаго воеводы Паца, который даже основалъ новую крѣпость въ предѣлахъ Россійскихъ.